

ПЕРЕПИСКА К. П. ПОБЪДНОСЦЕВА.

Петербургъ. 28 Юля, 1883 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Губернатора вашего, Н. П. Щепкина взяли отъ васъ, и, кажется, онъ совсѣмъ оставляетъ службу.

При отправленіи его въ Уфу я было надѣялся, что онъ тутъ утвердится и принесетъ пользу, дѣйствуя въ согласіи съ вами.

Съ тѣхъ поръ онъ неоднократно жаловался на враждебное къ нему отношеніе тѣхъ же противуправительственныхъ силъ, съ коими и вы вели борьбу.

А со стороны слышны были жалобы на него, что онъ не умѣетъ поставить себя въ должныя отношенія къ мѣстному обществу и выказываетъ будто бы чрезъ мѣру либеральныя стремленія.

Что тутъ справедливаго и что слѣдуетъ отнести къ дѣйствию вражды и клеветы, не знаю. Но надобно полагать, что эти нареканія на него взяли верхъ и послужили поводомъ къ его увольненію.

Отъ васъ ничего я не зналъ о вашихъ къ нему отношеніяхъ и о вашемъ сужденіи относительно дѣятельности его. Теперь, когда его нѣтъ, мнѣ было бы желательно знать ваше мнѣніе объ немъ и о его управленіи. Я содѣйствовалъ назначенію его въ Уфу и теперь не знаю, правъ ли былъ я тогда, или неправы нынѣ тѣ, кои его осуждаютъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ.... К. Побѣдоносцевъ.

Конфиденціально.

Уфа. 1883 г. Августъ.

Ваше высокопревосходительство.

Вашему высокопревосходительству угодно знать мое мнѣніе о Н. П-чѣ Щепкинѣ, какъ бывшемъ губернаторѣ, и его управленіи. Затруднительную вы задаете мнѣ задачу. Но я исполню ее по архіерейской совѣсти.

Общій отзывъ о немъ сразу дать я нахожу неудобнымъ. Начну съ фактовъ и прежде всего съ тѣхъ, которые мнѣ хорошо, непосредственно извѣстны.

Сперва съ фактовъ, характеризующихъ его отношеніе къ церкви, епархіальному вѣдомству и лично ко мнѣ самому. Простите. Такъ устроенъ міръ, что, когда ѣдешь на телѣгѣ, то представляется, будто самъ стоишь, а весь міръ вертится именно около тебя. Такъ и вообще, каждый изъ насъ вертится міромъ, ѣдетъ на вертящемся земномъ шарѣ, а представляется, будто не только вся земля, а и весь міръ вертится около меня, какъ центра. Трудно смотрѣть на бѣгъ міра иначе, какъ съ точки зрѣнія, на которой самъ стоишь въ видѣ озирающагося наблюдателя.

Разглядѣвъ Н. П. Щепкина въ свитѣ ревизовавшаго Уфу сенатора, М. Е. Ковалевскаго, я отнесся къ нему, Н. П-чу, съ особою симпатіею, когда разобралъ, что онъ—тотъ самый Щепкинъ, что проживалъ нѣкогда въ Саратовѣ, откуда я имѣлъ о немъ, о его личныхъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ и во-первыхъ къ нынѣшнему владыкѣ, митрополиту московскому, свѣдѣнія благопріятныя. Прибывъ вторично въ Уфу въ качествѣ губернатора, онъ явился ко мнѣ съ визитомъ въ лентѣ, прося моего благословенія, передавъ мнѣ нѣкоторыя благопріятныя сообщенія отъ вашего лица, объяснивъ мнѣ, что „мы де съ Константиномъ Петровичемъ издавна вмѣстѣ за одно, вмѣстѣ выросли, вмѣстѣ служили“ и т. п. Первое впечатлѣніе было весьма благопріятное.

Но скоро послѣдовали факты, которые повергли меня въ недоумѣніе, которые затѣмъ разъяснили свой настоящій характеръ больше и больше.

Выяснилось, что порядки богослуженія онъ знаетъ, какъ уроженецъ московскій. Онъ званивалъ даже на Ивановской колокольнѣ. Въ храмъ Господнемъ стоитъ прилично, крестится истово; обнаружилъ съ своей стороны заботливость о порядкѣ немногихъ нашихъ крестныхъ ходовъ, подсказалъ, что было бы благолѣбно въ Великую пятницу переносить плащаницу изъ одной церкви въ другую, что прежде здѣсь не дѣлалось. Въ текущемъ году былъ съ супругою на утрени Великой субботы (на обѣднѣ не былъ). Но и только. Далѣе, на всенощныя ни онъ, ни жена не являлись никогда, ни даже на Рождество Христово. По воскреснымъ днямъ не являлись и къ обѣднѣ почти никогда. По высокаторжественнымъ днямъ являлись около херувимской, иногда значительно позже. На первыхъ порахъ онъ иногда ставалъ въ церкви среди народа, но какъ для этого все таки нужно было присутствовать въ церкви, то оставилъ. Не скажу, причащались ли они гдѣ либо; не слышалъ, не справлялся, но и не видѣлъ. Чиновники, повидимому, не говѣютъ. Въ день Крещенія ни онъ, ни жена не были ни на всенощной, ни на обѣднѣ, ни на водосвятии,—онъ по болѣзни. И никто изъ городскихъ чиновъ не былъ, хотя прежде и былъ держанъ разговоръ между нами объ этой небрежности. Н. П-чъ не принялъ никакихъ предупредительныхъ мѣръ. Даже полиціймейстеръ отсутствовалъ. Не было даже военныхъ чиновъ. На пути къ водосвятию стоялъ самый незначительный взводъ солдатиковъ, да и тѣ почти всѣ изъ Татаръ, вообще изъ инородцевъ: все отдергиваютъ головы, когда ихъ кропятъ св. водой. Небреженіе, дальше котораго идти нельзя. Военнымъ командирамъ я погрозилъ, что на будущее время донесу по начальству. Одинъ изъ командировъ—Полякъ, другой—Нѣмецъ. Полиція въ церкви стала небрежнѣе и неприличнѣе. Стоять неприлично, развалясь; никто почти изъ полицейскихъ не крестится; пробовали на моихъ глазахъ и разговаривать и гримасничать; видѣлъ самъ я полицейскихъ на виду народа, въ церкви полусидящими, съ руками сложенными а-ля Наполеонъ. Я не скрывая говорилъ и повторялъ: „настоящіе турецкіе кавасы, ходящіе въ церковь только наблюдать, чтобъ христіане не подрались, а сами не молятся“.—Въ прошломъ году происходило въ г. Уфѣ освященіе долго строившейся, каменной церкви во имя святаго Николая. На всенощную, наканунѣ освященія и воскреснаго дня, 4-го Декабря губернаторъ не пожаловалъ, ни самъ, ни жена; 5-го Декабря, въ воскресенье, на освященіе и литургію не пожаловали же; вечеромъ, на канунѣ Николина дня (день ангела Н. П-ча), на всенощную не пожаловали же; 6-го Декабря въ Николинъ день на обѣднѣ я увидѣлъ его (она не пожаловала), когда обратился къ народу съ возгласомъ: „Миръ всѣмъ“ по „Отче нашъ“. Изъ чиновъ никого почти

не было. За причастномъ подходитъ ключарь съ вопросомъ: „Кому прикажете подать просфору?“—Я отвѣтилъ: „Я живу здѣсь при третьемъ губернаторѣ. Первый (В. Д. Левшинъ) былъ истинно религіозный человекъ; бывало, придетъ самъ съ семействомъ, придетъ семейство вице-губернатора Бестужева; за ними тянутся другіе, и церковь порядочно полна. Другой (П. Пл. Шрамченко) не скрывалъ даже своего мало-вѣрія; но все же бывалъ въ церкви, даже обнаруживалъ нѣкоторую теплоту. Этотъ вотъ самъ ходитъ рѣдко и поздно; жена еще рѣже. А если прійдетъ четвертый губернаторъ, тотъ, вѣроятно, совсѣмъ уже перестанетъ бывать въ церкви. За ними потянутся и другіе. И пусть бы эти чины были отрѣзанный отъ народа ломоть, открытые безъисповѣдники. А то нѣтъ,—номинальные христіане. Въ высокосторжественный день св. Николая, особо чтимый во всей Россіи,—чиновъ почти никого. Губернаторъ появился къ концу обѣдни. Поистиннѣ совѣстно, стыдно предъ народомъ просфору подать... Но... несите, подайте. Не дашь разъ, тогда нельзя будетъ давать никогда; самъ принимать не станеть“.—Въ Уфѣ, какъ и по всѣмъ концамъ Россіи, издавна существовалъ обычай наканунѣ Николина дня служить особья всенощныя по присутственнымъ мѣстамъ. Незадолго до прибытія Н. П-ча, вице-губернаторъ Бестужевъ говоритъ мнѣ, что его просили отмѣнить этотъ обычай,—не служить всенощной въ губернскомъ правленіи.—„Но я,—говорить,—отказалъ: не нами этотъ обычай заведенъ, не нами пусть и кончится“.—При Н. П-чѣ этотъ обычай сразу отмѣненъ; не слышалъ я, чтобъ эти всенощныя по присутственнымъ мѣстамъ служились въ прошломъ году. Воскресные да и праздничные дни у Н. П-ча превратились въ простые рабочіе дни; въ ветхомъ пиджачкѣ онъ саживалъ въ эти дни въ своемъ рабочемъ кабинетѣ (у самага входа, всегда раскрытаго настежь съ лѣстницы), занимаясь бумагами, принималъ чиновниковъ, какъ и въ будніе дни. Это и слышалъ я, и самъ видѣлъ. Такое трудолюбіе и недостоподражаемое усердіе къ службѣ не мѣшали однако же Н. П-чу и семейству его не пропускать ни одного театра, концерта, зрѣлища, какъ ни плохи эти вещи въ Уфѣ. Тутъ онъ покровитель и руководитель; а для церкви въ праздничные и воскресные дни онъ съ утра занятъ спѣшными дѣлами.—Слышалъ, не утверждаю, будто въ семейномъ кругу у нихъ позволялись и насмѣшки надъ предметами вѣры, надъ „попами“ и т. п. Единственная дочь ихъ, лѣтъ 30, дѣва, курсистка, завѣдомая спиритка, убѣжденій неопредѣленныхъ, поведенія не скандальнаго, но оригинальнаго, ѣздила изъ Уфы верстъ за 70 одна къ какой-то подругѣ, подобной же, въ госги; теперь весною, послѣ какой-то семейной драмы,

уѣхала изъ дома родительскаго въ Петербургъ, повидимому, чтобы не возвращаться.

Подобнымъ же образомъ не только неопредѣленны, а просто странны и отрицательны были его отношенія къ отпадающимъ отъ православія. Кажется, уже въ первое свиданіе онъ говорилъ мнѣ: „Проѣхалъ я (по пути изъ Оренбурга въ Уфу) чрезъ Мелеузъ (одно изъ первыхъ селеній, гдѣ началось одно изъ первыхъ отпаденій), останавливался, говорилъ... но тамъ наверху (въ правительственныхъ кругахъ) и слышать не хотятъ ни о какихъ мѣрахъ насилія убѣжденію“.—Я выслушалъ. Отпаденія пошли повально. При каждомъ случаѣ отпаденія я сообщаю губернатору: „Тамъ-то заявилось отпаденіе при такихъ то обстоятельствахъ пропаганды, подкупа, даже насилія. Не сообразовали ли принять мѣры предупрежденія“.—Отвѣтъ губернатора: „По отношенію вашему я поручилъ мензелинскому исправнику произвести дознаніе о причинахъ отпаденія, по коему оказалось, что отпадающіе всегда исповѣдывали могометанство. О чемъ имѣю честь васъ увѣдомить на предметъ, не угодно ли вамъ по такой-то статьѣ распорядиться о преданіи отпадающихъ суду“... Сообщаю о случаѣ отпаденія въ другомъ мѣстѣ. Отвѣтъ того же характера: „Поручалъ произвести дознаніе тому же исправнику. Тотъ доноситъ, что отпадающіе даже не знаютъ русскаго языка. О чемъ имѣю честь васъ увѣдомить“.—Сообщаю о третьемъ случаѣ отпаденія. Получаю отвѣтъ: „Поручалъ произвести негласное дознаніе тому же исправнику, который и доноситъ, что отпадающіе никогда не исповѣдывали православной вѣры. О чемъ имѣю честь васъ увѣдомить“. Это уже слишкомъ: „Никогда не исповѣдывали православной вѣры“. Вѣдь, эти же странности попадутъ во всѣ губернаторскіе отчеты, въ министерскіе доклады Государю и т. д. Пишу резолюцію: „Предписать мѣстному благочинному тщательно дознать и донести, правда-ли, будто такіе-то отпадающіе *никогда не исповѣдывали православной вѣры*“. Благочинный доноситъ: „Ѣздилъ на мѣсто, производилъ тщательное дознаніе. Оказалось: всѣ отпадающіе крещены, вѣнчаны въ церкви; многіе по нѣскольکو разъ исповѣдывались, причащались; всѣ принимали священника въ праздники съ крестомъ; до послѣдней ажитаціи не обнаруживали никакой попытки къ отпаденію, и нынѣ въ одномъ и томъ же семействѣ или родѣ одни члены отпали, а другіе стойко держатся православной вѣры; исправникъ на мѣстѣ не былъ и никакого дознанія не производилъ“ и т. д. Я сообщаю о донесеніи благочиннаго губернатору, но результата никакого не видно. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ я довелъ до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства. Вообще выяснилось явленіе,

что при первыхъ отпаденіяхъ полицейскіе чины взялись было за отпадающихъ по старинному, съ нѣкоторой горячностью, но затѣмъ данъ имъ какъ будто противоположнаго свойства лозунгъ. И они хладнокровно стали на сторону отпадающихъ, какъ будто утѣсненныхъ стародавнимъ насиліемъ православія. Между тѣмъ уже не только по донесеніямъ духовенства, но и по сообщеніямъ уголовной палаты теперь выяснилось, что отпадающіе въ магометанство дѣйствовали не только пропагандою, но и возмутительнѣйшими проявленіями насилія, напр. дѣти жестоко били родителей, мужья тяжело тиранили женъ; выяснилось, что самымъ кощунственнымъ образомъ издѣвались надъ христіанскою святынею и т. п. Что давно было видно духовенству, теперь стало видно и судебнымъ учрежденіямъ. Но полиція слѣпа. Но губернаторъ, повидимому, не желаетъ ничего подобнаго видѣть. Нѣтъ, съ этимъ губернаторомъ къ поддержанію православія идти было нельзя; можно было идти только къ утвержденію и развитію отпаденій отъ христіанства.

Такими же оказались его отношенія и къ другимъ епархіальнымъ дѣламъ, равно и къ епархіальному архіерею.

Скажу предварительно, что прежніе два губернатора, особенно Вл. Дм. Левшинъ,—спаси его, Господи, и помилуй,—относились ко мнѣ съ самою предупредительною почтительностью и доброжелательнѣйшею готовностью поддержать меня во всякомъ дѣлѣ. Увы? Въ Н. П.-чѣ я скоро разочаровался. Въ первое же свиданіе онъ поставилъ мнѣ на видъ, что онъ всегда и во всемъ вмѣстѣ съ вами; обнаружилъ особую готовность заняться отношеніями г. Бирска ко мнѣ; но сталъ дѣлать это безтактно, будто какой-то менторъ. Настойчиво приглашалъ меня ѣхать вмѣстѣ въ Бирскъ, съ явно выражаемымъ намѣреніемъ помирить меня съ Бирцами. Я уклонился отъ этой чести, опасаясь, какъ бы мы вдвоемъ, архіерей и губернаторъ, не насмѣшили Бирскъ, и весь край и Россію, такъ какъ Бирскъ преизобиловалъ газетными корреспондентами. Приглашенному по тому же бирскому дѣлу, члену консисторіи онъ такъ настойчиво выразился объ особой близости къ вашей особѣ, что тотъ былъ возмущенъ, и тогда смолчалъ, а въ недавнее время рассказавъ мнѣ объ этомъ случаѣ, выразился: „Я былъ оскорбленъ за васъ. Вся эта рѣчь была похвальбою,—простите,—лакея, который выставяетъ напоказъ свою близость къ барину“. Правда, въ этомъ дѣлѣ, именно по вопросу объ отказѣ въ учрежденіи крестнаго хода въ Бирскѣ. Н. П.-чѣ помогъ мнѣ, ставъ на нашу точку зрѣнія. Говорилъ лично мнѣ и другимъ, да кажется, и

писалъ: „Основательно, основательно“ (мы рѣшили дѣло.) Спасибо, похвалилъ и помогъ. Въ этомъ единственномъ дѣлѣ помогъ.

Дальше приходится говорить о частностяхъ личнаго свойства. На первыхъ порахъ онъ и жена были такъ ласковы, заявили желаніе жить со мною даже въ дружеской близости, бывать у меня и т. д. Я и попробовалъ. Приглашалъ нѣсколько разъ его къ себѣ на обѣды. Попробовалъ какъ-то пригласить и ее, — отказалась; я не повторилъ приглашеній. Пріѣзжаю къ нему разъ какъ-то, въ воскресный день, послѣ обѣдни, на которой онъ, конечно, не былъ. Сидитъ въ пиджачкѣ за письменнымъ столомъ, занимается дѣламп. Я пары двѣ-три словъ: отвѣты односложные. Черезъ двѣ—три минуты поднимается: „Пожалуйте, молъ, къ женѣ“. Переходимъ тутъ же въ гостиную, около кабинета, черезъ пріемную. Въ гостиной никого нѣтъ. — „Ахъ, жена тутъ гдѣ-то была. Позвольте, я ее поищу“. Онъ ушелъ; я остался одинъ. Возвращается, говоритъ: „Жена сію минуту будетъ“. А самъ тутъ же, на моихъ глазахъ вызываетъ чиновника изъ-за двери и садится тутъ же на моихъ глазахъ за столомъ кабинета продолжать свои занятія. Жена сейчасъ же вышла; но и ту я не утомилъ продолжительностью своего визита. Тогда я не захотѣлъ осмыслить для себя такое обнаруженіе безцеремонности, хотя ни къ чему подобному и не привыкъ, потому что своимъ визитамъ знаю цѣну. Скоро какъ то прочиталъ я въ Русскомъ Вѣстникѣ поразительную статью подъ названіемъ, помнится — „Наши охранители и разрушители“. Такъ какъ статья пропитана была намеками на высокопоставленные лица, то я въ той же задачѣ установить съ Н. П-чемъ дружество и обмѣнъ мыслей, въ оболъщеніи, что онъ университетскаго образованія, что онъ — Щепкинъ, сынъ профессора московскаго университета, родился и выросъ въ кругу образованнѣйшихъ русскихъ людей Хомякова, Аксакова, Каткова, хвалится солидарностью съ вами, — вооружившись самою книжкою Русскаго Вѣстника, вхожу къ Н. П-чу также въ какой-то воскресный день. Вижу: сидѣлъ, занимался бумагами. Садитесь на мѣсто, съ котораго всталъ, съ дѣловымъ видомъ. Я раскрываю ротъ: „Вотъ, молъ, Русскій Вѣстникъ. Читалъ я у Каткова много много поразительныхъ вещей, но ничего болѣе поразительнаго не читалъ. Статья необычайно сильная, съ ясными намеками на высокопоставленные лица. Я пріѣхалъ, не полюбопытствуете-ли“. — „Д-да“, — отвѣчаютъ, нехотя. „Да, я могу эту книгу достать и прочитать. Какая, вы говорите, статья“. — „Я называю статью по имени. — „Впрочемъ, покажите, покажите, что тамъ такое“, — продолжаютъ, протягивая нехотя руку черезъ столъ. Я подаю книгу.

Онъ моментально взглянулъ и, согнувъ книгу, отдалъ мнѣ съ не менѣе самой статьи поразительными словами: „Знаете, я Каткова ненавижу и презираю. Они съ Валуевымъ помѣшали намъ устроить крестьянское дѣло. И всѣ наши усилія разбились въ прахъ. И отъ того нашъ народъ до сихъ поръ страдаетъ“.—Б-ба-а,—сконфуженный въ душѣ донельзя, подумалъ я,—съ кѣмъ же это я имѣю дѣло. Неучъ, ничего не читающій, повидимому, даже газетъ, не способный поддержать сколько либо литературную бесѣду, думающій посредствомъ своего дѣлового маранья бумаги спасти Россію, чернаго человѣка, отъ тѣхъ страданій, въ которыя повергаютъ его охранители, въ родѣ Каткова... Съ тѣхъ поръ съ этою безцеремонно-грубою и сомнительною имбещильностью я уже не поднималъ никакихъ литературныхъ бесѣдъ и вообще разочаровался въ немъ, какъ человѣкъ себѣ по складу да и по плечу, наиполнѣйшимъ образомъ. Да, подумалъ и то, благонадежно ли губернатору выставлять такъ рѣзко на показъ свою презрительную ненависть къ охранительнымъ государственнымъ идеямъ. Онъ въ другой разъ какъ-то разсказывалъ при людяхъ, что, поступивъ на службу въ Саратовъ, гдѣ губернаторствовалъ тогда князь Щербатовъ, товарищъ его по московскому университету, онъ скоро разочаровалъ Щербатова въ своей благонадежности, и когда тотъ дѣлалъ ему глаза изумленія, Н. П-чъ вывелъ его, Щербатова, изъ недоумѣнія на свой счетъ словами: „Вы думаете, что я красненькій? Да, я красненькій, красненькій!“—Въ другой разъ онъ мнѣ же говорилъ: „Я не дорожу мѣстомъ. Меня послали сюда дѣлать извѣстное дѣло, Башкирское дѣло, которое я знаю. Михаилъ Евграфовичъ послалъ (онъ никогда ни словомъ не зайкнулся, что своимъ губернаторствомъ обязанъ вамъ, а всегда—Ковалевскому). Насъ всегда брали, чтобъ мы дѣлали извѣстное дѣло. Проходила въ насъ нужда, и мы становились неудобными и т. п.“ Это онъ повторялъ не разъ, вѣроятно, и другимъ. Слѣдовательно, задѣтые имъ люди не даромъ поймали черту красноты, которую и примѣнили къ нему, тѣмъ безопаснѣе для себя, что онъ самъ охотно и явно прищипливалъ ее къ себѣ. Увы. Никто виновать, самъ...

Необъяснимо дѣло пристава становаго Иванова,—по моей жалобѣ на него. Въ прошломъ 1882 г., обозрѣваю епархію, выѣзжаетъ изъ стана приставъ въ деревню В. Пока я бесѣдовалъ съ народомъ, прежній приставъ энергически хлопочетъ о лошадяхъ для дальнѣйшаго проѣзда. Оказалось, что мы въѣхали въ станъ Иванова, который самъ для сопровожденія не выѣхалъ, заготовленіемъ лошадей не озаботился и даже не далъ въ эту деревню В. знать о нашемъ проѣздѣ. Приставъ

успокаиваетъ себя и насъ гаданіемъ, что Ивановъ выѣдетъ въ ближайшую деревню К. Оказалось, въ деревнѣ К., что Ивановъ не выѣхалъ и туда. Приставъ успокаиваетъ себя и насъ гаданіемъ, что Ивановъ выѣдетъ къ подлежащему перевозу чрезъ рѣку Бѣлую. Приѣхали и на перевозъ. Оказалось, не выѣхалъ Ивановъ и туда. Ѣдемъ уже по другому, по лѣвому берегу р. Бѣлой, по очень запутанной дорогѣ, по болотистой мѣстности; по вольной неволѣ сопровождаетъ насъ въ чужомъ стану прежній приставъ. Проѣхавъ цѣлую станцію, вѣзжаемъ на горѣ въ деревню В. Ивановъ не выѣхалъ и сюда, заготовленіемъ лошадей не озаботился и даже не далъ знать о нашемъ проѣздѣ. Деревня У. большая, но совсѣмъ глухая; вѣроятно, никогда не видала у себя ни архіерея, ни губернатора. Лѣтній вечеръ; народъ ползетъ съ полей, озабоченный своими работами. А тутъ говорятъ: архіерей приѣхалъ, поставляйте лошадей. Сельскаго начальства никакого: чужого пристава никто не знаетъ. Пошелъ приставъ, пошла моя свита по домамъ съ просьбами: добрые люди, дайте архіерею лошадей. Да къ кому и обратиться; никто не слушаетъ. „Дайте,—просимъ,—лошадей, не даромъ дайте; мы прогоны плотимъ“. И такъ, съ этими просьбами и обѣщаніями, что прогоны платимъ и заплатимъ, мои спутники ходили по дворамъ часа два. Уже надвигалась ночь. А назавтра предположено было совершить литургію въ селѣ Андреевкѣ; а прежде еще слѣдовало прослѣдовать чрезъ село Д., резиденцію пристава Иванова. Ночью двинулись въ сопровожденіи того же пристава, въ полночь прибыли въ Д., и среди мрака разобрали, что въ самомъ селѣ, у вѣзда, сидитъ на лошади урядникъ и дѣлаетъ намъ подъ козырекъ. Такъ, оказалось, приказалъ приставъ Ивановъ, благополучно пребывавшій въ эту ночь у себя дома, въ этомъ самомъ селѣ Д. Негодованіе на такую выходку Иванова проникло всѣхъ: пристава, членовъ моей свиты, съѣхавшихся сюда трехъ окрестныхъ благочинныхъ. проникло въ народъ, который жаловался на насилія Иванова, сказало даже въ урядникъ, который насъ встрѣчалъ и хотѣлъ дальше провожать, вопреки запрещенію начальника, но я отклонилъ это. Тутъ мы остались ночевать. Въ Андреевку совсѣмъ не поѣхали. Подъ впечатлѣніемъ общей негодующей настроенности я сѣлъ писать конфиденціальное письмо къ губернатору, Н. П-чу. Писалъ цѣлую ночь объ огорченіяхъ, которыя уже третій сряду годъ терпѣлъ отъ того же Иванова, безъ малѣйшаго съ моей стороны повода и вызова.

Прописалъ, что 1) еще въ 1880 г. этотъ Ивановъ не далъ знать о невозможности переѣзда черезъ разлившуюся рѣчку Черемшанъ; не озаботился способами переправы,—косную лодку для насъ добылъ изъ

г. Бирска мѣстный благочинный; Ивановъ на переправу не выѣхалъ. Въ лодку, не зная емкости ея, поставили два нашихъ большихъ экипажа, которые отъ волненія сдвинулись на одинъ край лодки. Переправляясь съ горной стороны, мы не замѣтили серьезности волненія, но проплывъ отъ берега съ версту поняли не только опасность, а просто гибельность нашего положенія. Вѣтеръ порывистый, облага свинцовыя, быстро несущіяся. Хлещетъ дождь. Валы морскаго размаха. По перпендикуляру отъ берега до берега 4—5 верстъ; по направленію наискось, противъ воды, какъ намъ слѣдовало плыть, не менѣе 7 верстъ. А къ устью Черемшана, при впаденіи въ р. Бѣлую, разливъ буквально необозримый, не менѣе, какъ 20-ти верстный. Наша лодка однимъ бокомъ высилась надъ водою едва на полъ-аршина, а другою стороною, на которую скатились экипажи, чуть не черпала воду. Большіе экипажи составляли упоръ для порывистаго вѣтра, — ударъ онъ чуть-чуть порывистѣе, и мы перевернулись бы. А средствъ спасенія среди этой водной пустыни никакихъ. Пустившійся провожать насъ приставъ прежняго стана Павловъ, не предусмотрѣвъ подобной выходки со стороны Иванова, былъ легко одѣтъ, его пронизывало весеннимъ холоднымъ вѣтромъ во время 2-хъ часового переѣзда; онъ сряду же получилъ изнурительную лихорадку, которая превратилась въ быструю чахотку и къ осени уложила его въ гробъ. Когда мы выбрались наконецъ на слѣдующій лѣвый берегъ рѣчки Черемшана, приставъ Иванова не оказалось здѣсь: о проѣздѣ нашемъ онъ не далъ даже знать. Когда затѣмъ мы выѣхали на большую Мензелинскую дорогу, Ивановъ находился гдѣ-то тутъ вблизи; приставъ Павловъ посылалъ къ нему. Ивановъ въ насмѣшку отвѣтилъ, что выѣдетъ на встрѣчу на слѣдующей почтовой станціи, но, конечно, не выѣхалъ. Прописалъ я, что 2) въ 1881 г. Ивановъ удостоилъ встрѣтить насъ не съ начала своего стана, а только за станцію до села Д. своей резиденціи; представляясь мнѣ при народѣ, сдѣлалъ только подъ козырекъ: „приставъ-де Ивановъ“. Шапки не снялъ, благословенія не взялъ. Къ вечеру оказался пьянъ настолько, что въ домъ священника, на моихъ глазахъ, наливая для себя водку, лилъ мимо рюмки и облилъ весь столъ, къ общему стыду. Въ виду народа, даже въ виду износимой святыни, выступалъ не иначе, какъ въ фуражкѣ. Прописалъ, наконецъ, что 3) произошло и въ 1882 г., о чемъ выше сказано. О безобразіяхъ этого Иванова съ негодованіемъ рассказывали не только духовныя лица, не только многіе изъ народа, но даже братія его и сослуживцы, другіе становые, сообщая, что онъ держится неуязвимо на службѣ лѣтъ 30, нажилъ большое состояніе, сперва держался благосклонностью генераль-губернатора Крыжановскаго, а теперь де держится угодниче-

ствомъ какому-то сенатору Барыкову, имѣніями котораго завѣдуетъ и предъ которымъ лакействуетъ, посылая живыхъ стерлядей за 2000 верстъ, въ Петербургъ. Въ заключеніе я просилъ Н. П-ча не о многомъ: такъ какъ мнѣ предлежало тогда же въ 1882 г. возвратиться изъ Мензелинскаго уѣзда въ станъ его же Иванова, и тутъ святить церковь въ с. М., то избавить меня отъ обязательной встрѣчи съ Ивановымъ и нарядить въ М., для весьма нужнаго наблюденія за порядкомъ при освященіи церкви, другого полицейскаго чиновника, будь это даже простой урядникъ.

Казалось бы стоило только назвать подобныя дикости какого-то пьянаго становаго [говорилось громко, что онъ ежедневно вышиваетъ не менѣе, какъ по четверти ведра водки, ростомъ атлетъ, съ виду пьяница, но баринъ],—чтобы подвигнуть Н. П-ча къ предупредительному въ отношеніи къ архіерею и обязательному устраненію подобныхъ неприличій. Не тутъ то было. Оказалось все наоборотъ. Н. П-чъ пальцемъ не пошевелилъ. Оказалось, вопреки моей просьбѣ, что Ивановъ самолично прибылъ въ село М., по словамъ доброю волею прибывшаго сюда [кстати замѣтить, что Н. П-чъ усиливался за это дать имъ выговоръ, но не могъ], другого становаго, Енькова, Ивановъ лежалъ въ М-ѣ пьяный, все освѣдомлялся: „А спрашивалъ ли обо мнѣ архіерей?“; къ наблюденію за порядкомъ ко всенощной не явился; къ наблюденію за порядкомъ при священнодѣйствіи храмоосвященія и литургии не явился. Въмѣсто того учинилъ нѣчто неожиданное и чудное: когда я изнеможенный отъ 5-ти часового священнодѣйствія, шелъ изъ храма въ домъ священника, сопровождавшія меня лица обращаютъ мое вниманіе: „Посмотрите, ваше преосв-тво“. Поднимаю глаза и впереди массы русскаго населенія, по моему пути вижу человѣкъ 15—20 выстроившихся въ рядъ, низшихъ полицейскихъ чиновниковъ, съ бляхами на груди, все Татаръ некрещеныхъ, въ тюбетейкахъ, со снятыми шапками. „Что это такое?“ спрашиваю съ изумленіемъ.—„Это,—отвѣчаетъ приставъ Еньковъ,—приставъ Ивановъ вызвалъ изъ разныхъ татарскихъ деревень до 60 человѣкъ десятскихъ, сотскихъ наблюдать за священствомъ церкви въ М., чтобы, по его словамъ, архіерей видѣлъ по Татариву на каждомъ пунктѣ, куда ни взглянетъ“. По прибытіи въ Уфу, я, по заведенному мною обычаю, поѣхалъ съ визитомъ заявиться къ г. губернатору. Н. П-чъ объ Ивановѣ ни слова. Я процѣживаю нѣсколько словъ, что, моля, „Ивановъ опять сдѣлалъ непозволительную выходку, о которой буду имѣть честь сообщить письменно“. Н. П-чъ опять по своему обычаю ни слова. Тогда я пустилъ дѣло форменно, чрезъ консисторію, изъ которой отъ моего

лица пошло къ губернатору форменное отношеніе о М-ской выходкѣ станового Иванова, въ которой я видѣлъ попытку кошунственного оскорбленія не только моему званію и служенію, но и самой вѣрѣ и не одной господствующей, но безъ нужды и магометанской вѣрѣ.

Отношеніе прошло чрезъ консисторію и губернаторскую канцелярію. Всѣ подняли свои глаза, что такое сдѣлаетъ Н. П-чъ. Что. Во-первыхъ, нѣсколько мѣсяцевъ бумага оставалась безъ движенія. Затѣмъ губернаторъ по обычаю сталъ справляться съ законами, обязывали-ли какія статьи того или другого тома свода законовъ становыхъ приставовъ сопровождать архіерея при поѣздкахъ по епархіи. Оказалось, что обязываютъ. Тѣмъ не менѣе исправникамъ и становымъ стало вѣдомо, куда губернаторъ направляетъ рѣшеніе этого вопроса. Это было въ его системѣ—приводить,—кажъ утверждали,—все и всѣхъ къ равенству и унижать всякій авторитетъ. Молва пошла по городу не къ выгдѣ Н. П-ча. Но оны и на этомъ не остановился. Къ веснѣ 1883 г., къ сроку новой моей поѣздки по епархіи, Н. П-чъ, вслѣдствіе моего отношенія о подлежащемъ мнѣ путешествіи, придумалъ новую редакцію предписанія чрезъ исправниковъ становымъ приставамъ—озаботиться заготовленіемъ лошадей, для проѣзда его преосв-а и устраненіемъ всякихъ препятствій по пути слѣдованія, безъ всякаго упоминанія о сопровожденіи. Почему новопоставленные исправники и становые и поняли эту редакцію такъ, что становымъ не только позволяется не сопровождать архіерея, но и запрещается сопровождать,—такова де воля губернатора. Такъ, въ первую мою поѣздку по епархіи въ сень 1883 г. одинъ становой вовсе не выѣхалъ; а между тѣмъ по его стану цѣлую станцію мы ѣхали по порывистому водному разливу, вслѣдствіе необычнаго дождя въ горахъ, руководимые только мѣстнымъ благочиннымъ. А другой становой изъ новопоставленныхъ прямо объяснилъ намъ, что не смѣетъ сопровождать насъ, боится-де исправника и губернатора, въ доказательство чего далъ намъ копію съ губернаторскаго предписанія. Тѣмъ не менѣе всѣ прежніе старослуживые становые, видѣвшіе по прежнимъ опытамъ мою ласку и любовь, не смотря на новыя начальственныя „вѣянія“, не затруднялись сопровождать насъ по всему пути и въ сень году, относясь ко мнѣ по прежнему съ величайшею предупредительностію, почтеніемъ и заботливостію. Въ томъ же году, имѣя нужду также коснуться стана (станы здѣсь громадныя и нѣкоторыя, куда ни поворачиваешь, приходится задѣтъ,—таковъ особенно станъ Иванова) пристава Иванова, я обратился съ форменнымъ отношеніемъ къ г. губернатору, прося его оградить меня отъ новыхъ, возможныхъ выходокъ со стороны этого отважнаго чиновника. И на этотъ разъ Н. П-чъ былъ

такъ добръ, велѣлъ сопровождать меня по стану Иванова сосѣднему приставу. Но и это, повидимому, сдѣлано было только потому, что онъ выразумѣлъ, что невнимательнымъ его отношеніемъ къ архіерею по дѣлу Иванова воспользовался и сообщили высшей власти. Не задолго до полученія свѣдѣнія о своемъ переводѣ въ Архангельскъ, Н. П-чъ, зашедши ко мнѣ, между прочимъ говоритъ: „Я слышалъ, вы сердитесь на меня, что я не уволилъ Иванова“. Я говорю: „Увольненіе Иванова до меня вовсе не касается. Я просилъ ваше прев-о оградить только меня отъ Иванова, и вы на это соизволили на сей разъ, за что я очень благодаренъ“. — „Я, — говоритъ, — перевелъ Иванова въ другой станъ, въ надеждѣ, что онъ самъ откажется отъ службы“. — Пусть бы ужъ онъ очень берегъ станovýchъ, а то вѣдь онъ пошвыривалъ ихъ преусердно, особенно, когда слышалъ, что тѣ побираются. Но что пьяный дерзкій циникъ Ивановъ публично издѣвался надъ архіереемъ и — можно сказать — надъ самою вѣрою, это для Н. П-ча неважно. Этимъ случаемъ онъ воспользовался только, чтобы сдѣлать попытку освободить станovýchъ отъ обязанности сопровождать архіерея въ его поѣздкахъ по епархіи, вообще унижить авторитетъ архіерея въ глазахъ полиціи, да кстати и народа, такъ какъ Ивановъ продѣлываетъ свои штуки на глазахъ всего народа русскаго и татарскаго, во многихъ мѣстностяхъ.

Это пространное повѣствованіе объ отношеніяхъ Н. П-ча ко мнѣ не излишне въ томъ отношеніи, что обрисовываетъ и принципы его и характеръ и общую манеру отношеній его къ другимъ.

Не слышалъ я добраго и объ отношеніяхъ его къ другимъ. Онъ сухъ, при видимой сдержанности, рѣзокъ въ сужденіяхъ о людяхъ. А считая себя идеаломъ человѣка-гражданина, называя себя и немногихъ „честными людьми“ только тѣхъ, кто не поживился на своемъ вѣку ни одною сотнею рублей, онъ скоръ отнестись съ ненавистью и презрѣніемъ ко всякому, кто чѣмъ либо поживился по его суду. Уже этимъ самымъ онъ до крайности стѣснилъ около себя кругъ людей, которымъ платилъ ласковымъ взглядомъ на готовность ихъ быть ему угодными. А отъ всѣхъ другихъ и онъ отвернулся, и тѣ отъ него отвернулись. Своими рѣзкостями онъ возбудилъ противъ себя рѣзкія же отношенія. Одного дворянина онъ публично обозвалъ чуть ли не „воромъ“, какъ я слышалъ; тотъ обратился къ Н. П-чу съ письменнымъ запросомъ, и Н. П-чъ письменно же извинился, не великодушно назвавъ по имени человѣка, отъ котораго слышалъ нелестный отзывъ объ оскорбленномъ. Самонадѣянно же Н. П-чъ громко заявилъ себя, какъ я слышалъ, „заклятымъ врагомъ“ старослуживому городскому головѣ. Этого, изъ

питомцевъ московской дух. академіи, человѣкъ крѣпкій головой, статный красавецъ, недюжинный ораторъ, замѣченный всею Россіей, имѣющій благопріятныя связи въ высшихъ сферахъ Петербурга, работникъ замѣчательный, характера непреклоннаго, давно привыкшій бороться съ невзгодами жизни, конечно, имѣеть Ахиллесову пятую въ томъ, что въ пароксизмъ лихорадочнаго пріобрѣтенія здѣсь земель, увлекся общеою заразою мѣстнаго общества и навязалъ себѣ на шею мертвую петлю неоплатныхъ долговъ. А Н. П-чъ по принципу, вслѣдствіе новаго петербургскаго вѣянія, считалъ воровъ всякаго, кто такъ или иначе попользовался уфимскою землею. И вотъ ближайшею цѣлью его ударовъ оказался уфимскій городской голова. Но за него, за его умъ, многолѣтнюю службу и дѣйствительныя заслуги стало мѣстное общество. Оттого губернаторъ очутился во враждѣ и борьбѣ со всѣми. Изъ замѣтныхъ и порядочныхъ людей не отшатнулись отъ Н. П-ча, сколько я знаю, только два семейства, прокурора и председателя контрольной палаты, да и то, вѣроятно, по единству служебной задачи—преслѣдовать всякія служебныя хищенія.

Супруга Н. П-ча помогала мужу въ умноженіи только враговъ, а не друзей; помогала своею нелюбезностью, сухостью, рѣзкостью, нескрываемою несдержанностью. Все ей здѣсь не нравилось, и она не стѣснялась высказывать это открыто.—„Ахъ, помилуйте, Уфа! Что здѣсь въ Уфѣ. Средствъ не хватаетъ, проживаемъ свои крохи. Стѣсняйся во всемъ, лицемѣрь. Принимай, кого не хочешь видѣть; дѣлай обязательныя визиты, съ кѣмъ не хотѣлось бы встрѣчаться“.—Губернаторша обязана быть предсѣдательницею разныхъ благотворительныхъ комитетовъ. Не хочетъ, капризится, ломается.—„Ахъ, помилуйте, комедія“... Обязана быть попечительницею женской гимназіи.—„Ахъ, помилуйте, къ чему, зачѣмъ? Что я тамъ буду дѣлать?“ Едва—едва уломали. Пріѣзжаетъ какая либо дама, напр. начальница гимназіи, по мужу свѣтлѣйшая, Багратіонъ-Имеретинская съ визитомъ. Губернаторша ее встрѣчаетъ умничаньемъ: „Ахъ, эти визиты. Общее бремя, къ чему эти визиты?“—это разъ и два, и нѣсколько. Та обижается и не ѣдетъ. Тогда наоборотъ губернаторша встрѣтивъ ее въ публичномъ мѣстѣ, огорошиваетъ ее любезнымъ съ виду, но не по смыслу обращеніемъ: „Ахъ, это не только не любезно, а невѣжливо съ вашей стороны“.—„Меня уже поздно учить вѣжливости“—та возражаетъ, и совершенно затворилась отъ губернаторши. Барственаго такта, мягкости, сановитости, умѣнья обласкать съ высоты, привлечь обязательною съ высоты ласковостью ни слѣда. Общественники, которые служили по благотворительнымъ учрежденіямъ своимъ карманомъ, затво-

рили таковой и отмахнулись. Одинъ купецъ, бывшій попечителемъ сиротскаго пріюта, послѣ засѣданія пріютскаго комитета, въ которомъ не безъ тяжелаго чувства присутствовалъ и я, послѣ бойкихъ разсужденій о томъ, какъ попечитель долженъ давать отчетъ въ расходованіи суммъ, тутъ же, только вышедши за дверь комитета, выразился съ огорченіемъ: „Грошевики. Хотятъ учитывать меня въ своихъ трехрублевкахъ и не хотятъ считать моихъ сотенъ, которыя, не выставляя на показъ, я трачу на пріютъ“. И сейчасъ же отказался. Теперь идетъ разсужденіе, какъ изъ 30 призраваемыхъ дѣтей сократить пріютъ на 10 дѣтей. Такъ и во всемъ.

Единственная губернаторская дочь составляла истинно Ахиллесову пятую этого не—Ахиллесовскаго семейства. Существо несомнѣнно своеобразное. Курсистка, жестокая по складу мыслей и характера. И устарѣла, и не красива, и не любезна и необычна. Настоявъ на опредѣленіи себя учительницею въ какой то низшей школѣ, стала ежедневно пѣшкомъ ходить на учительскую службу. Увы. Народъ совсѣмъ не восторгами встрѣтилъ такое самоотверженіе, а ропотомъ.—„Губернаторская дочка,—видно, ѣсть бѣдной нечего,—отымаетъ кусокъ хлѣба у бѣдныхъ дѣвушекъ-учительницъ“. Исходя изъ идей равенства, презирая все благородное, исключительное, эта оригинальная угрюмая учительница ввела въ домъ губернатора людей своего пошиба. Между прочими ввела, какъ своего друга, дочку одного священника, пьянаго безобразника, у котораго и жена пьяница, сынъ женатый въ Казани студентъ, родитъ тамъ и по годамъ не крестить дѣтей, дочка, обобденная женихами невѣста, способная, какъ слышно, пописывать и пасквили. Изъ этого грязнаго колодца, повидимому, черпались въ губернаторскомъ домѣ свѣдѣнія о духовенствѣ. Слышалъ, не утверждаю, будто и въ этомъ случаѣ яблоко упало не далеко отъ яблони: будто дочка въ своихъ вкусахъ не ушла отъ вкусовъ родителей; будто Н. П-чъ къ старости не только не потерялъ, а развилъ въ себѣ и въ своей семьѣ вкусъ къ людямъ обоего пола молодымъ, безъ общественнаго положенія, съ нигилистическимъ пошибомъ, съ политическимъ задоромъ, будто бы даже къ людямъ поднадзорнымъ...

Безспорно, Н. П-чъ былъ народникъ, всѣ силы своего труда направлялъ именно въ пользу низшаго чернаго люда. Тѣмъ не менѣе именно черный людъ чутьемъ чуялъ въ немъ что-то фальшивое, что-то разрушающее идею начальника-воеводы. Замѣчательно, что отъ него и семьи его отшатнулись не только лучшія въ Уфѣ семейства, не только дворяне, не только кушцы, но и простой народъ. Откуда вѣтеръ дулъ, не знаю. Но вѣрно то, что городскіе шалопаи взяли было себѣ

за потѣху издѣваться надъ губернаторскимъ семействомъ. На первыхъ порахъ, говорятъ, полиция много было хлопотъ по утрамъ оглядывать стѣны зданій и заборовъ, губернскаго правленія и губернаторскаго дома, чтобы срывать, счищать, уничтожать то навѣшанные, то нама- ранные пасквили на губернатора, его жену, его дочь, его общество.... Шалопайство дошло до того, что въ одну ночь двое пьяныхъ масте- ровыхъ ни съ того, ни съ сего пошли выбивать у губернатора окна и выбили. Разказываютъ, будто не спавшій губернаторъ самъ выско- чилъ, буйны схвачены, и онъ спрашиваетъ: „Что я вамъ, братцы, сдѣлалъ? Зачѣмъ вы это дѣлаете?“ — „А чтобы познакомиться съ вашимъ превосходительствомъ“, — отвѣтили пьяные безпутники. А кто они?— Просто подмастерья, портные.

Общество купцовъ и мѣщанъ также было возбуждено и выражало свою тревожность публично и рѣзко. Разумѣется, всѣ подробности, о которыхъ скажу, я могъ связать и осмыслить для себя только заднимъ числомъ.

Храмоздатель градской Никольской церкви и почетнѣйшіе прихо- жане благоговременно просятъ меня послѣ освященія 5-го Декабря, на обѣдъ. Я даю слово, но назначаю срокомъ обѣда 3 часа по полудни 6-го Декабря (престольнаго ихъ праздника), такъ какъ обѣдать 5-го, въ виду большой праздничной всенощной, было неудобно. Но 4-го Декабря являются ко мнѣ Н. П-чъ съ супругой просить меня къ себѣ на обѣдъ (первый у нихъ и послѣдній), въ 4 часа того же Декабря (день ангела Н. П-ча). Я съ признательностью даю слово. Но лишь только они вышли за мою дверь, вспоминаю, что далъ слово храмо- здателямъ обѣдать у нихъ того же 6-го Декабря, самъ назначивъ день и часъ обѣда. Тотчасъ вслѣдъ за Н. П-мъ я посылаю письмо въ са- мыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, съ извиненіемъ, что отмѣнить обѣдъ у храмоздателей признаю крайне неудобнымъ. 6-го Декабря, послѣ обѣдни, я былъ у Н. П-ча съ поздравленіемъ, но на обѣдъ поѣхалъ къ храмоздателямъ. Тамъ, повидимому, не безъ тревоги ждали, чѣмъ я рѣшу. А у губернатора, какъ узналъ я впослѣдствіи, обѣдъ прошелъ крайне напряженно и чопорно. Явились въ мундирахъ, молча съѣли обѣдъ и разошлись. Повидимому, огорченный неудачей невы- валой въ Уфѣ, торжественной, во вкусъ московскаго Долгорукаго, затѣи, Н. П-чъ не сдержался и высказался противъ меня: „Предпочелъ де мѣщанъ какихъ-то“. А мнѣ подумалось: „Боже мой. Либераль. И не можетъ понять такой простой вещи: если я въ такомъ исключи- тельно рѣдкомъ случаѣ, постройки церкви, далъ первое слово храмо- здателямъ—мѣщанамъ, то какъ же я, архіерей, измѣню ему?“ А что

Н. П-чъ затѣвалъ именно торжественный обѣдъ для городскихъ чиновъ, того я и не зналъ, пока обѣдъ не состоялся. Я подумалъ сначала, что губернаторъ, если ему угодно, можетъ покормить меня обѣдомъ въ другой разъ. Вышло такъ, что никто этимъ обѣдомъ не остался доволенъ, ни хозяинъ приглашавшій, ни гости присутствовавшіе, ни званые, отсутствовавшіе.

Какъ разъ въ эту пору шелъ вопросъ о выборахъ городского головы. Н. П-чъ громко заявлялъ себя „заклятымъ врагомъ“ прежняго головы Д. С. Волкова. А общество опять выбрало его почти единогласно и сверхъ того провозгласило его почетнымъ гражданиномъ г. Уфы. На второй день Рождества Христова является ко мнѣ съ поздравленіемъ депутація изъ 6 человекъ общественниковъ и съ просьбою пожаловать на общественный обѣдъ въ честь градского головы. Я не нашелъ нужнымъ заявить себя паризаномъ; да тогда и не зналъ закулисныхъ тайнъ. Я даю слово. Депутація съ тѣмъ же приглашеніемъ отправляется къ самому Н. П-чу. И впоследствии рассказывалось, что, когда депутація высказала ему свою просьбу, Н. П-чъ едва не упалъ, да и упалъ бы, если бы не схватился за дверную ручку.

Предъ 15 Мая—днемъ священнаго коронованія, самъ Н. П-чъ приглашаетъ меня на общій торжественный обѣдъ, по поводу этого радостнаго торжества.—„Долгомъ сочту. Со взносомъ?“—„Да, со взносомъ“. Деньги я внесъ. Но слышу изъ города ропотливый говоръ, что-де съ архіерея взяли деньги, какъ будто городъ уже такъ обнищаль. Является ко мнѣ депутація отъ города просить на торжественный обѣдъ.—„Съ великимъ удовольствіемъ“.—„А деньги,—говорятъ,—какія вы внесли, не угодно ли пожаловать на какое либо благотворительное учрежденіе“.—„На сиротскій пріютъ“.—Разстались 2-го Мая, въ назначенный точно, минута въ минуту, часъ являюсь въ собраніе. Прочитана молитва, благословлены ястіе и питіе. Одинъ изъ распорядителей ведетъ меня въ залъ, гдѣ разставлены столы, три вдоль зала, а четвертый главный поперекъ. Противъ средняго изъ трехъ уже сидитъ губернаторъ. Распорядитель сажаетъ меня справа отъ губернатора. Но вице-губернаторъ обращается ко мнѣ: „Нѣтъ пожалуйста, ваше преосв-во сюда“,—указывая мѣсто слѣва губернаторши. Я двигаюсь туда. Но распорядитель: „Нѣтъ, нѣтъ, ваше преосв-во, прошу васъ садиться здѣсь“. Я слѣзъ справа, сперва не понявъ этой моментально проскользнувшей игры некрасивыхъ самолюбіи. Гляжу: справа отъ меня стоятъ два пустые прибора, а далѣе сидятъ замужня дочь предводителя дворянства и братъ ея мужа, (бывшаго въ Москвѣ, на коронаціи). Когда уже обѣдъ начался, распорядитель подвелъ одну

старую генеральшу и посадилъ у меня справа, такъ что одинъ приборъ у меня справа и остался пустымъ. Вглядываюсь: слѣва отъ губернаторши сидятъ вице-губернаторъ, затѣмъ губернаторъ и т. д. Обѣдъ шель быстро и въ молчаніи. Быстро пришла минута тостовъ. Губернаторъ поднимается со своего мѣста, выходитъ изъ ряда стульевъ, становится сзади, за спинами своей жены и моего,—я становлюсь къ нему лицомъ, въ полъ-оборота,—и провозглашаетъ: „Здоровье Его Величества!... Ура.“ Прокричали. Оркестръ заигралъ: „Боже, Царя храни“. Все это безжизненно. Губернаторъ садится на свое мѣсто. Черезъ нѣсколько мгновеній выдѣлываетъ то же, становясь у жены и у меня за спинами: „Здоровье Ея Величества.. Ура!“ Прокричали по заказу. Прослушали гимнъ. Садимся. Губернаторъ садится. Кто-то, повидимому, съ досады на эту безжизненность такого знаменательнаго торжества крикнулъ: *bis*.

Заиграли гимнъ. Кто-то запѣлъ, я поддержаль и другіе. Сѣли. Черезъ нѣсколько мгновеній губернаторъ опять становится у насъ за спинами.— „Здоровье Его Высочества, Наслѣдника Цесаревича и всего Царствующаго Дома. Ура“. Закричали, заиграли, запѣли. И я, стоя въ полъ-оборота, лицомъ къ губернатору, пою: „Боже, царя храни“. Какая злая муха укусила его, не знаю. Но въ это мгновеніе, наклонясь къ моему уху, онъ говоритъ мнѣ громко и отчетливо, отчеканивая каждое слово: „Васъ посадили на мѣсто губернатора, но объ этомъ послѣ, послѣ..“ Сказалъ, отошелъ и сѣлъ. Я остался въ наиполнѣйшемъ недоумѣніи. Подумалъ только: какое несдержанное, мелочное и грубое самолюбіе.

Того же 17 Мая, по объявленному маршруту, мнѣ предлежало выѣхать для обозрѣнія епархіи. Но по личному приглашенію отъ самого губернатора на этотъ обѣдъ я отложилъ мой отъѣздъ на 18 Мая. И вотъ, по утру 18 Мая, часовъ 8, собравшись совсѣмъ, я вышелъ въ крестовую выслушать напутственный молебенъ. Вдругъ въ церкви докладываютъ: „Губернаторъ“.— „Просите минуточку подождать; молебенъ сію минуту кончится“. Выхожу изъ церкви въ свои кельи, раздумывая, что бы означалъ сей ранній визитъ. Сѣли.— „Ѣдете“,— спрашиваютъ.— „Да, сію минуту“,—отвѣчаю.— „Вамъ по маршруту слѣдовало еще вчера выѣхать“. А слухъ изъ его канцеляріи шель, что Н. П-чъ очень озабоченъ тѣмъ, что, опаздывая выѣздомъ на день противъ маршрута, я задерживаю людей и лошадей. Я говорю: „Ближайшему становаму дано знать по телеграфу объ отерочкѣ, онъ распорядится. А далѣе намъ придется ста полтора верстъ проскакать по большой дорогѣ. Мы ускоримъ и попадемъ тамъ какъ разъ въ то

мѣсто и тогда, когда куда должны попасть по объявленному маршруту". — „Вотъ этотъ вчерашній несчастный обѣдъ,—начинаютъ новую рѣчь,—распорядители, Вотъ знаетъ, какъ распорядились. Статскіе совѣтники вино гостямъ разносятъ, какъ лакеи какіе либо (одинъ изъ распорядителей, статскій совѣтникъ угощалъ меня виномъ). Есть же у насъ главно-начальствующіе въ учрежденіяхъ, предсѣдатели палатъ. Богъ знаетъ, гдѣ сидѣли. Есть же правящій должность предводителя дворянства. А то посадили этого мальчишку Б.... И меня, Богъ вѣсть, куда засунули (самъ сѣлъ, гдѣ сидѣлъ). Мнѣ слѣдовало сидѣть справа, около васъ (никто не мѣшалъ, два прибора оставались не занятыми), Вѣдь, обѣдъ не какой нибудь, а официальный.... Ну, желаю-де счастливаго пути“.... поднялся и выходить. „Ба,—объясняя этотъ необычно ранній визитъ, думаю себѣ,—чувствуетъ себя неловко, что вчера сказала грубая неловкость и боится, что я расскажу и пришелъ косвеннымъ образомъ извиниться“... Теперь, на дняхъ, жандармскій полковникъ и вице-губернаторъ рассказали мнѣ, что Н. П-чъ крайне несочувственно принялъ самую мысль объ этомъ торжественномъ обѣдѣ, употребилъ разныя мѣры, чтобъ помѣшать его осуществленію; своею холодною и раздраженною испортилъ самое торжество обѣда, отчего оно и вышло такъ хмуро. Даже не дослушалъ послѣдняго: „Боже, царя храни“ и вышелъ изъ зала, что стало извѣстно въ Петербургѣ, о чемъ жандармскій однако же не доносилъ; тотчасъ по выходѣ изъ-за стола самымъ разъяреннымъ образомъ накинута на жандармскаго полковника, который первый подалъ мысль объ устройствѣ этого обѣда, за безпорядки обѣда. Вдобавокъ, выходитъ еще, сказалъ возмутительную грубость ни въ чемъ неповинному предъ обѣдомъ архіерею, котораго самъ же пригласилъ... Разумѣется, о выходѣ его противъ меня я рассказаль главенствующимъ—жандармскому, вице-губернатору, только теперь.. А тогда смолчалъ... Теперь меня увѣряли, что Н. П-чъ способенъ былъ ругательски ругаться публично, при народѣ, при многихъ свидѣтеляхъ. Факты засвидѣтельствованы. Голова говорить, что онъ только поопасся скандализовать какъ себя, такъ и власть вообще, притянувъ губернатора къ суду за такія, засвидѣтельствованныя ругательства. Однако же писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, прося его обуздать забывающагося губернатора.

Еще одно событіе, возмутившее и заставившее призадуматься рѣшительно всѣхъ. Когда голова Волковъ былъ еще гостемъ Русскаго Царя на коронаціи, губернаторъ въ Уфѣ учинилъ слѣдующую необъяснимую выходку. Въ эти дни коронаціи давали въ уфимскомъ театрѣ спектакль, при большомъ собраніи. Вдругъ со сцены актеръ

поеть пѣсню-куплетъ, оканчивая припѣвомъ: „А, голова у насъ—воръ“. Мнѣ передавали объ этомъ наши духовные, которые не были, конечно, свидѣтелями этой поражающей сцены. Подробностей не знаю, но она несомнѣнна. Говорять, супруга головы, здѣсь же присутствовавшая, пришла въ крайнее волненіе; а единственный сынъ головы, воспитанникъ гимназіи 8 класса, тутъ же вошелъ въ ложу прокурора и заявилъ объ оскорбленіи, нанесенномъ со сцены его отсутствующему отцу. Губернаторъ сидѣлъ въ ложѣ и смѣялся. Мы всѣ призадумались было, куда же все это могло повести. Зато возмущенные общественники рѣшились заплатить своему головѣ небывалою оваціей. Узнавъ день и часъ прибытія головы Д. С. Волкова, въ Уфу, они выѣхали всѣ на встрѣчу за городъ, на парходную пристань. Тамъ на берегу рѣки раскинули праздничную палатку и, когда голова сошелъ съ парходнаго трапа, все общество встрѣтило его привѣтствіями, громомъ музыки и ликованіемъ, въ нарочно устроенной палаткѣ, съ шампанскимъ и т. д., и т. д.

Скоро за этимъ послѣдовали дворянскіе выборы, на которыхъ и состоялось заявленіе всѣхъ дворянъ о неудобности губернатора, М. П-ча Щепкина.

Тутъ далѣе приходится сказать о самомъ главномъ, о *государственномъ значеніи службы Н. П-ча въ Уфимскомъ краѣ.*

Глубокое движеніе мусульманскаго инородческаго населенія на всемъ востокѣ Россіи началось собственно въ послѣднюю восточную войну. Говорилось, что въ эту войну здѣшніе мусульмане снимали луны съ мечетей; что это значило, не могу сказать. Значило-ли то, что они не солидарны съ мусульманами турецкими. Выражало ль это глубокую скорбь ихъ, какую выразило бы у Русскихъ вольное снятіе крестовъ съ церквей. Изъ-за какихъ то мелочей, изъ-за мелочныхъ ошибокъ управленія, послѣ восточной войны, пошло уже явное броженіе, при упорно поддерживаемой мусульманами молвѣ, будто хотятъ насильственно крестить ихъ. По мѣстамъ обнаружались уже и противленіе власти, и насилія противъ низшихъ правительственныхъ лицъ. Мятѣжническое движеніе, начавшись съ Казани, шло волнами чрезъ Самарскую губернію и нашу, Уфимскую, явно съ запада на востокъ. Тогдашній нашъ губернаторъ, В. Д. Левшинъ, при этомъ благоразумно отсиживался, дѣйствуя мѣрами убѣжденія и прочими палліативами. Уфимскій муфтіи, огорченный этимъ несчастьемъ, расхворался и затворился. А казанскій губернаторъ Скарятинъ, какъ отважный русскій боець-правитель, пошелъ въ самую среду бунта, увидѣлъ и побѣдилъ,

налетѣлъ, надавалъ пощечинъ, перепоролъ десятка два буяновъ, по старинному, по русски и успокоилъ весь край. Увы. Петербургская интеллигенція, петербургская юриспруденція, петербургское чиновничество подняли снова вопросъ, счастливо, мирно рѣшенный и воскресили движеніе, дешево укрощенное нѣсколькими сотнями лозъ, раздѣленными на нѣсколько десятковъ грубіяновъ. Въмѣсто того, чтобы похвалить Скарятину за государственный удалой подвигъ, совершенно въ духъ стародавней русской исторіи, его стали марать газетчики и предали суду чиновники-юристы.

Я пробовалъ не разъ заикаться самому М. Е. Ковалевскому о заслугъ Скарятина (котораго впрочемъ самъ лично не жаловалъ за его дерзость, по казанскимъ воспоминаніямъ). Но сенаторъ-ревизоръ изволилъ возражать: „Такъ-то оно такъ. Да зачѣмъ же, когда надо посѣчь Татаръ, власть стариковъ голымъ животомъ на снѣгъ? Зачѣмъ вотъ это—какого-то урядника Татары избили, губернаторъ говоритъ ему: „Ну, кто тебя билъ изъ нихъ, указывай“.—Урядникъ указываетъ.—„Дай ему сдачи“,—говоритъ Скарятинъ, и урядникъ избиваетъ своего обидчика до полу-смерти, тутъ же, на глазахъ губернатора? Это же зачѣмъ?“ Пробовалъ я заикаться самому сенатору-ревизору, какъ въ послѣдствіи и губернатору Н. П-чу, что помимо писанной въ сводѣ законовъ юридической правды есть правда историческая, которая пишетъ уложеніе самой жизни, что Россія тысячу лѣтъ жила и развивалась, росла и крѣпла захватами, что живая организація въ своемъ ростѣ и должна укрѣпляться не инымъ чѣмъ, какъ захватами и ассимиляціей; что именно въ здѣшнемъ краѣ мы Русскіе сдѣлались господами не иначе, какъ чрезъ захватъ, что у аборигеновъ-Башкиръ и донинѣ имѣются сотни тысячъ, милліоны и болѣе десятинъ земли, изъ которой они извлекаютъ самую жалкую пользу, часто хищничествомъ. продавая лыки, рубя лѣсъ и т. п., превращая необозримыя пространства въ голую степь.

Увы. Какъ же великому юристу Ковалевскому, какъ этому,—не умѣю отмѣтить специальности, въ какой онъ силенъ,—господину Щепкину понять и къ сердцу принять такія школьныя истины. Они были въ этотъ край не затѣмъ чтобы закрѣпить здѣсь разнovidный русскій захватъ, а чтобы разрушить его, водворивъ на мѣсто его идеальную англійскую, американскую, юридическую правду. Я тогда же говорилъ, да и вашему высокопревосходительству писалъ, что они сочиняютъ здѣсь мятежно-аграрный и религіозно-отступнической вопросы. Самому М. Е. Ковалевскому Татарами-Башкирами подано по аграрному вопросу до 2000 просьбъ. Онъ отбылъ, не рассмотрѣвъ ихъ, а только

надававъ обѣщаній, что все, конечно, законное будетъ сдѣлано. А Татары-Башкиры поняли его обѣщаніе, по своей коварно-корыстной простотѣ, въ томъ смыслѣ, что все для нихъ будетъ сдѣлано. Просьбы переданы были, кажется, губернатору Шрамченко. Тотъ то же самое, что и я, говорилъ сенатору-ревизору, только говорилъ громко и рѣзко, за что и слетѣлъ совершенно невинно. Рѣшить башкирское дѣло присланъ былъ сюда Н. П-чъ Щепкинъ, по его словамъ М. Е. Ковалевскимъ: „Онъ-де меня послалъ сюда, какъ знающаго башкирское дѣло“.

И почали рѣшать на бумагѣ, въ канцеляріяхъ, возбудивъ однако же живыя страсти на всемъ широкомъ пространствѣ Уфимской губерніи. Вышло такъ, что поколебался религіозный, а вмѣстѣ и земельный укладъ: возстали инородцы крещенные на свою религію христіанскую, возстали Башкиры-Татары на Русскихъ, какъ на пришельцевъ, изъ-за земли; возстали Татары на Башкиръ; возстали Русскіе на Русскихъ: возстали на землевладѣльцевъ-помѣщиковъ и на духовенство. Своеволіе религіозное и земельное охватило всѣхъ и мусульманъ и христіанъ. Поколебались всѣ отношенія до основъ государственно-религіознаго уклада. Появилась общая безсудность; небезопасность не только имущества, но и жизни, своеволіе, расшатанность нравовъ даже въ низшихъ, и всего болѣе, всего замѣтнѣе въ низшихъ слояхъ. Вотъ извѣстные мнѣ факты.—

Нужно замѣтить, что Н. П-чъ не ѣздилъ по губерніи, и края, по личному опыту, съ живого голоса совсѣмъ не знаетъ. А я ѣздилъ по такимъ путямъ, и ѣзжу, по которымъ ни одинъ губернаторъ здѣсь никогда не проѣзжалъ; бесѣдую по дружески съ становыми, иногда съ народомъ, всегда со священниками. А священники по селамъ да и вездѣ вѣдь знаютъ всю подноготную не только открытаго, но и закулиснаго быта. Такъ выходитъ: я знаю край по личному опыту, а онъ, Н. П-чъ не знаетъ, да и слушать явно не хотѣлъ, а возился только денно-нощно съ своими бумагами.

Въ прошломъ 1882 г., въ самомъ углу Стерлитамакскаго уѣзда (къ Оренбургу) старый и старослуживый становой, встрѣчая меня на перевозѣ чрезъ р. Бѣлую, говоритъ: „Простите, ваше преос--о, что опоздать. Ужасныя дѣла. Вотъ въ эту ночь въ Воскресенскомъ заводѣ, (въ который мы ѣхали), сожгли старшину“.— „Кто же сжегъ?“— „Свои, и мы ихъ знаемъ, хотя, конечно, и не поймали съ поличнымъ“.— „Быть можетъ, старшина—деспотъ, взяточникъ?“— „Ничего не бывало, прекраснѣйшій, честный, смиренный старикъ“. Только что выѣхали въ Воскресенскій заводъ, видимъ пожарище, массу народа на пожарѣ,

самаго хозяина, совсѣмъ разбитаго. Въ церкви мы сами дали свою жертву и собрали пожертвованія на несчастнаго, вчера зажиточнаго старшину, сегодня разбитаго нищаго. У него какъ-то жалко рука висѣла, вѣроятно, была тяжело ушиблена, или отбита. Становой показывалъ мнѣ также и предполагаемыхъ, завѣдомыхъ поджигателей. По прибытіи въ Уфу, я рассказалъ объ этой сценѣ Н. П-чу. Тотъ не промолвилъ ни слова.

Тамъ же, въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, только что предъ нашимъ пріѣздомъ, старослуживый исправникъ предпочелъ лучше оставить службу, чѣмъ ѣхать въ одно мѣсто, куда его посылали къ возмущившимся Татарамъ изъ-за земли. Тутъ, при нашемъ проѣздѣ, намъ рассказано было, что тамъ во первыхъ избили и прогнали землемѣра,— это было извѣстно; затѣмъ рассказано конфиденціально неизвѣстное, что тамъ же появившагося, новоопредѣленнаго исправника, съ становымъ и понятыми Татары избили, стащивъ исправника съ лошади; и если исправникъ и становой спаслись отъ смерти, то единственно только потому, что удачно отступили и заперлись съ понятыми во дворѣ. Такъ какъ говорилось, что тамъ ожидался Н. П-чъ, то я по дружбѣ счелъ полезнымъ предупредить его, измѣнивъ чужому секрету. Н. П-чъ выслушалъ и промолчалъ. Впоследствии самъ рассказывалъ мнѣ, что былъ тамъ и, присѣвъ среди народа, помнится, на мѣшкѣ, умиrotворилъ Татаръ рѣчью: „Что вы, братцы? Теперь я, братцы, пріѣхалъ къ вамъ одинъ. Но если вы не успокоитесь, то въ слѣдующій разъ пріѣду къ вамъ съ конвоемъ“... Но другіе рассказывали мнѣ, на дняхъ, что онъ туда и не доѣхалъ. Татары, встрѣтивъ его въ лѣсу, за 10 верстъ отъ мѣста, остановили его, объяснившись напрямки: „Бачка, тебѣ незачѣмъ къ намъ гулять.“ И онъ, поговоривъ съ ними тутъ, въ лѣсу, уѣхалъ въ Уфу. Кажется, больше онъ и не выѣзжалъ изъ Уфы.

Въ прошломъ же, 1882 году слышалъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ отъ станового, что Русскіе въ этомъ уѣздѣ совсѣмъ обдѣлены землей, получивъ въ надѣлъ по полъ-десятинѣ.— „Ну, а у Татаръ?“— „У тѣхъ не менѣе, какъ по 8-десятинѣ на душу“. Татары сравнительно съ Русскими—бояре. Отчего Русскіе даже покидаютъ свои насиженныя мѣста и разъѣзжаются. Въ этомъ 1883 г. уже видѣлъ переселенческіе поѣзда. „Откуда“.— „Оттуда-то, изъ Мензелинскаго уѣзда“.— „Куда“.— „Въ Томскую губернію“.— „Зачѣмъ“.— „На жительство“.— „Отчего“.— „Земли вовсе нѣтъ, а чтобъ заарендовать, нужно дать 20—25 руб. въ годъ за десятину“. Тотъ же становой, провожая насъ, все охалъ: „Только лишь провожу васъ, приходится ѣхать въ такую-то волость“.—

„Такъ чего же вы пугаетесь“. — „Помилуйте, вѣдь къ нимъ мнѣ приходится ѣхать съ урядникомъ, да 5—6 понятными. А ихъ цѣлыя сотни. Они будутъ выступать деревня противъ деревни, съ кольями, косами и т. д.“ — „Татары противъ Русскихъ?“ — „Нѣтъ, Татары противъ Татаръ“.

Слышалъ отъ многихъ лицъ и отъ товарища прокурора. Особенно нестроенъ Белебеевскій уѣздъ. Тамъ Татары особенно не спокойны. Вышли челоуѣкъ 100 на усадьбу и сожгли ее. — „Н. П-чъ, конечно, передаетъ дѣло намъ, суду“, — говорилъ блюститель прокуратуры, — „а мы что сдѣлаемъ? Виновныхъ нѣтъ. Никто не сознается. Уликъ не имѣется. Слышали, конечно, какъ сынъ Горянскаго (племянника В. П. Бажанова сынъ, 14-лѣтній гимназистъ) застрѣлилъ челоуѣка-татарина?“ — „Слышалъ“, — говорю. — „Выѣхали цѣлою ордою рубить лѣсъ его папаша. А противъ орды выступилъ онъ — мальчикъ, да полѣсовщикъ. Кричатъ: „Не смѣйте рубить, стрѣлять будемъ“. Конечно, не слушаются, рубятъ. Тотъ стрѣлилъ наудачу дробью, изъ ружья. Вдругъ слышитъ: „Аллахъ, Аллахъ!“ Татаринъ оказался убитъ. Мы, конечно, невольнаго убійцу оправдали, сваливъ на туманъ и т. д.“

Изъ духовныхъ лицъ данъ былъ участокъ земли, по моему ходатайству, только старослуживому (37 лѣтъ службы въ здѣшнемъ краѣ) инспектору семинаріи Суходольскому. На эту землю право собственности онъ получилъ было только на бумагѣ, хотя и самъ ѣздилъ на мѣсто, кланялся мѣстному муллѣ, дарилъ и угощалъ мѣстныхъ Татаръ. Вообще издержался, расходовавъ не менѣе 300 руб. на землю, но пользы отъ нея не получилъ никакой. Къ собственному успокоенію, за нѣсколько дней до смерти, успѣлъ продать землю нѣкому К. Этотъ поѣхалъ на пріобрѣтенную землю, вооруженный съ ногъ до головы, но Татары, говорятъ, не только избили его, но даже высѣкли, колоты его, чѣмъ попало, не убили совсѣмъ только по счастливой случайности, что онъ, отступая задомъ, упалъ въ протокъ воды. А былъ съ пистолетомъ въ рукахъ, но кому же охота убить Татарина, чтобы попасть въ Сибирь.

Въ этомъ 1883 г. картина буйства, охватившая всю губернію, раскрылась предъ нами во всю ширь и глубь. Народъ насъ открыто спрашивалъ: „Правда ли, что будетъ передѣлъ земли и скоро ли будетъ?“ Въ селѣ Ново-Троицкомъ Бирскаго уѣзда спрашиваемъ: „Гдѣ же учитель (почтенный, знакомый намъ челоуѣкъ)?“ — „Вызванъ, — отвѣчаютъ, — въ Уфу, къ его превосходительству“. — „Зачѣмъ?“ — „А онъ, изволите видѣть, управляющій имѣньями г. Ермолова. Его Татары предваряли: не ѣзди, молъ, на землю, будешь убитъ. Онъ поѣхалъ съ

кучеромъ-Татариномъ. На нихъ вышло нѣсколько человѣкъ, кучеръ убѣждалъ, а его принялись бить, чѣмъ попало. Избили руки, разбили голову, окровавили и если не убили совсѣмъ, то потому, что умолилъ,—„Не бейте, —говорить, —не по своей волѣ, не моя земля“. — „Зачѣмъ же его въ Уфу потребовали?“ — „Къ его превосходительству разспросить“. — „Не лучше ль было его превосходительству самому пріѣхать разобрать дѣло на мѣстѣ?“ — „Ну, ужъ мы этого не знаемъ“. — „Ну, а полиція?“ — „Что полиція! Теперь не тѣ порядки. Вотъ на дняхъ у насъ было убійство, драка между Русскими и Татарами. Такъ урядникъ только смотрѣлъ и пальцемъ не пошевелилъ.“ — „Ну, а становой?“ — „Становой? Да онъ нарочно отъ всякаго дѣла ускачетъ подалше“. Этотъ учитель, чрезъ нѣсколько времени возвратившись изъ Уфы, выѣзжалъ въ сосѣднюю деревню представиться намъ. И мы видѣли его собственными очами перевязаннаго, съ повязкой на головѣ, съ знаками побоевъ на лицѣ.

Этотъ становой, умный, бывалый человѣкъ поистинѣ поразилъ насъ своими по секрету откровеніями, общими соображеніями о положеніи дѣлъ. „Посудите, —говорить, —что мнѣ невыгодно быть дѣятельнымъ. Для нашего брата теперь нѣтъ преступленія и опасности больше, какъ превышеніе власти. Вѣдь, за преступленіе власти меня сошлютъ въ арестанскія роты. Продержи я кого либо лишній день подъ арестомъ, я несчастный человѣкъ, я лишусь службы, попаду подъ судъ, самъ въ острогъ, даже въ высшей мѣрѣ въ арестанскія роты. Дратся, конечно, нельзя: попадешь подъ судъ за истязаніе. Да и кто же нынче дерется. Такъ, пусть лучше тормозать меня за бездѣйствіе власти. Вотъ тамъ, на заводѣ Ж-го было на дняхъ побоище; я нарочно уѣзжаю въ сторону. Предлогъ удрать отъ дѣла отыскать намъ всегда не трудно. Станы большущіе. Дѣла всегда есть на разныхъ концахъ. Тамъ пьяный мужикъ ударилъ мастерового ногою и переломилъ обѣ берцовыя кости. А мнѣ-то что. Одно дѣло, чтобъ урядникъ составилъ актъ. Мы составимъ актъ и—мировому судѣ. А N N-чъ (имя и отчество мирового судьи) всѣхъ оправдываетъ и отпускаетъ. Онъ ужасно снисходителенъ; разными смягчающія обстоятельства; да и доказательствъ большею частью трудно бываетъ доискаться. Что же намъ дѣлать при такихъ порядкахъ? А пусть люди справляются сами“. — „Пусть расправляются, —возражаю я, —судомъ Линча“. — „Пусть и судомъ Линча“, —спокойно отвѣчаетъ становой. „Да, вы думаете, —спокойно рассуждаетъ онъ, —что у насъ, на Руси судъ Линча не практикуется? Да еще какъ. Вотъ, не угодно ли тутъ, у дороги“... это мы шли по дорогѣ и, не стѣсняясь присутствіемъ многихъ, такъ рассуждали, — „вотъ, не угодно ли, —съ

легкимъ сердцемъ и веселымъ юморомъ предлагаетъ нашъ умный, бывалый становой, — тутъ, у дороги лежитъ человѣкъ, какъ разъ только что казненный судомъ Линча“. — „Кто, Русскій?“ — „Нѣтъ, Черемисъ.“ — „Русскими казненъ?“ — „Нѣтъ, своими же, Черемисами.“ — „За что?“ — „Извѣстный конокрадъ.“ — „Что же они съ нимъ сдѣлали?“ — „Простымъ манеромъ перерѣзали горло, отволокли и кинули.“ — „Давно?“ — „Двое сутокъ тому назадъ, мнѣ урядникъ донесъ.“ — „И это васъ такъ мало беспокоитъ?“ — „А мнѣ что же. Я при дѣлѣ, провожаю васъ. Да и не могу ничего одинъ сдѣлать. Нужно дождаться уѣзднаго врача, чтобы онъ произвелъ осмотръ мертваго тѣла, тогда мы это мертвое тѣло поднимемъ и похоронимъ, коли врачъ разрѣшитъ“. — „А преступники. Вы ихъ надѣетесь отыскать?“ — „Никакъ ѣй такой надежды не имѣемъ. Обыкновенно, эти дѣла оканчиваются ничѣмъ. Съ личнымъ не пойманы. Самы не скажутся. Да если бы и были улчены, все равно: судъ оправдаетъ. Были де вынуждены.“...

Боже мой, куда это мы идемъ! Куда уже пришли? — „Далеко-ль отъ дороги?“ — „Саженой сто, не болѣе.“ Мы собирались идти по полю смотрѣть мертвое тѣло казненнаго Линчевымъ судомъ. Но пока бесѣдовали, не торопясь, надвинулись тучи, почъ и темень. — „Старый, молодой человѣкъ?“ — „Лѣтъ 18, мальчишка. Да ихъ тутъ цѣлая шайка, онъ не одинъ, работаютъ компаніей, на паяхъ. Развѣ ихъ переведешь.“ — „Да вы посудите же, куда мы идемъ?“ — „Да, мы то что же подѣлаемъ? Таково современное устройство правительства, судопроизводства. Наше дѣло составить полицейскій актъ, да представить судебному слѣдователю“. — „Смотрѣть, сложа руки?“ — „Куда какъ безопаснѣе, чѣмъ дѣйствовать, да и смотрѣть то со связанными руками, потому что мы, собственно, и не можемъ дѣйствовать. Примѣрно вотъ эти недоимки. Вотъ ихъ теперь простили по манифесту. Что же вышло. Печальное нѣчто вышло, да и странное, да и страшное. Теперь степенные заживочные хозяева, мужики намъ самимъ и говорятъ: „Видите, мы вамъ говорили. Говорили, что вы требуйте подати не съ насъ. Съ насъ вы всегда получите. А требуйте вотъ съ нихъ, съ этихъ безпутныхъ, этихъ крикуновъ, этихъ пропойць. А теперь вотъ имъ простили. Они же надъ нами теперь и потѣшаются: „впередъ-де вамъ наука“. А еще прежде того я слышалъ отъ одного землевладѣльца, что „я-де пользуюсь расположеніемъ своихъ прежнихъ крестьянъ и теперь. Я говорю имъ: „Вѣдь, у васъ есть же чѣмъ заплатить подати?“ — „Есть“, говорятъ. — „Отчего же вы не платите?“ — „Всѣ де не платягъ. Пускай съ нихъ, съ другихъ потребуютъ, тогда и мы подумаемъ“. Особенно этихъ земскихъ сборовъ не платягъ очень многіе, даже помѣщики, даже исправники, землевладѣльцы.

Это общее безсудіе пустило свои корни очень глубоко и широко. Теперь только чиновникъ бойся, какъ бы не обругать какую либо сволочь, чтобъ она сейчасъ же не потянула тебя къ суду. На чернаго же человѣка, которому нечего терять, управы стало ужасно, какъ мало. Лично мнѣ два купца-подрядчика на дняхъ говорили: „Наши суды—не стоящее дѣло. Даже исполнительные судебные листы—не стоящее дѣло. Самы съ своими рабочими справляемся кое-какъ. А суды—рукой махны“.

Кончу, однако же, поразительныя впечатлѣнія поѣздки по епархіи за сей 1883 г. Протоіерей именитаго села Березовки на Камѣ жалуется мнѣ, что общественники хотятъ на церковномъ мѣстѣ строить училище, для котораго деньги жертвуетъ раскольникъ. Я говорю: „Ни для какого наипрекраснѣйшаго дѣла вы не имѣете права подарить мѣсто, составляющее собственность церкви, —тягайтесь судомъ“. Онъ обратился къ мировому судѣ, тотъ рѣшилъ въ пользу церкви. Но съ другой стороны ко мнѣ еще въ Уфу является отъ общества депутатъ съ заявленіемъ, что общество де хочетъ приступить къ стройкѣ. Я даю тотъ же отвѣтъ: „Не имѣете права; и я не имѣю права позволить вамъ это; требуйте свое право по суду“. Депутатъ къ губернатору; тотъ сказалъ то же самое. Тогда общество, какъ разъ къ моему прибытію въ Березовку, застроило училище. Этого мало. Депутація приходила ко мнѣ съ настойчивымъ приглашеніемъ, чтобы я самъ освятилъ закладку училища, говоря на сторонѣ, что „онъ де въ молитвѣ и благословеніи не имѣетъ права отказать“.

Въ большомъ селѣ Печонкинѣ на два причта было издавна отведено 66 десятинъ земли. Общество запахало ихъ для себя. Настоятель судился. Мировой судья приговорилъ въ пользу причта, и межы представлены. Тѣмъ не менѣе, общество пашетъ на себя.

Не вдалекѣ отъ Печонкина, на дачѣ землевладѣльца Б-го, рассказывалось, что тутъ, не вдалекѣ отъ него, въ имѣніи сенатора Чернавскаго, сожгли его усадьбу, управляющаго и съ нимъ еще 4-хъ человѣкъ. Товарищъ прокурора мнѣ сказывалъ, что по этому дѣлу уликъ къ разслѣдованію преступленія—никакихъ. „Если бъ у насъ существовала сыскная полиція, а то полиція рѣшительно бездѣйствуетъ“.

По прибытіи въ Уфу узнаю. Архіерейскій домъ стоитъ на обрывѣ, надъ рѣкой. Какъ разъ подъ обрывомъ, на берегу р. Бѣлой, раскиданы бѣдныя лачужки, въ которыхъ проживали нѣкогда штатные архіерейскіе служители; отчего эта слободка и нынѣ слыветъ подъ

именемъ „Архіерейской“. Наши келейники, прислуга имѣютъ и нынѣ тамъ постоянныя знакомства и знаютъ все, что тамъ дѣлается. Въ прошлую Пасху, рассказываютъ, — ужасное дѣло: мужъ нашей прачки и еще одинъ молодой человѣкъ среди бѣла дня изнасиловали дѣвушку, случайно прибывшую сюда, на праздникъ Пасхи; кажется, они же убили старую женщину, старую горничную старыхъ баръ, пришедшую сюда въ гости, набивъ ей ротъ глиной. Я тогда же, при случаѣ, сказывалъ это губернатору Н. П-чу. Удостоилъ промолвить слово совершенно равнодушно: „Пустое, — говорить, — пьянствовали вмѣстѣ и разодрались... Старуха опилась де“ и т. п. Эти герои были на свободѣ до послѣднихъ дней. По возвращеніи изъ поѣздки по епархіи слышу: эти же два свободные героя ночью, въ паркѣ, около самага архіерейскаго дома, напали на ночной обходъ изъ пяти человѣкъ и изранили жандарма, который поступилъ даже въ больницу. Въ то же время, — никогда не бывалое дѣло, — нашъ архіерейскій домъ четыре раза подвергался нападенію воровъ, которые два раза произвели взломъ замковъ, дверныхъ скобъ и дверей. Въ первый разъ ломились ночью къ эконому-діакону, который находился дома и два раза выстрѣлилъ изъ пистолета, угрожая смертью разбойникамъ. Тѣ ушли, едва уже не высадивъ и вторую дверь, за которою укрылся стрѣлявшій экономъ. Теперь мы для защиты отъ ночныхъ разбойниковъ купили для дома полдюжины пистолетовъ. По городу ночныхъ грабежей также довольно. Рассказывали за вѣрное, что на одной, недалекой отъ Уфы, парходной пристани, ночью разбойники пустили въ воду барыню и двухъ приказчиковъ. Барыня и одинъ изъ приказчиковъ погибли, а одинъ, случайно поймавъ кинутую въ него жердь, прикрытый ночнымъ мракомъ, выплылъ на близъ лежащую мельницу.

Впрочемъ, что я ни сказалъ бы по личнымъ впечатлѣніямъ о тяжкихъ беспорядкахъ, возникшихъ въ правленіе Н. П-ча, оказывается блѣднымъ предъ заявленіемъ дворянъ Уфимской губерніи, которое препровождено въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ и, повидимому, послужило поводомъ къ удаленію Н. П-ча изъ Уфы. Я добылъ частнымъ путемъ это заявленіе и копію съ него препровождаю совершенно конфиденціально. Оно поразительно, какъ документъ, основанный на дознанныхъ фактахъ.

Виновать-ли Н. П-чъ во всемъ этомъ только своею пассивностью, бездѣйствіемъ власти, или же особымъ направленіемъ своей дѣятельности. Несомнѣнно послѣднее. Въ томъ удостовѣряемся множествомъ фактовъ.

Когда, годъ тому назадъ отъѣзжалъ изъ Уфы весьма близкій и любезный мнѣ человекъ М. П. Бестужевъ, бывшій вице-губернаторъ, и я давалъ ему прощальный обѣдецъ, на которомъ присутствовали губернаторъ, муфтій, голова и другіе, Н. П-чъ говорилъ отъѣзжающему напутственную рѣчь, уже по окончаніи обѣда, въ которой высказался, что онъ, Н. П-чъ, въ совѣсти своей всегда бываетъ спокоенъ, когда вѣренъ началамъ, вынесеннымъ съ университетской скамьи, „Будьте, молъ, и вы (Бестужевъ также воспитался въ Московскомъ университетѣ, какъ и Н. П-чъ и росъ въ семейномъ кругу Аксаковыхъ, Хомяковыхъ, Щепкиныхъ) вѣрны началамъ студенчества, тогда, молъ, въ жизни будетъ прекрасно.“ Желая истинно по чувству доброжелательства намекнуть Н. П-чу, что, слѣдуя началамъ студенчества, онъ, какъ губернаторъ, выступаетъ, повидимому, на ложную дорогу, я позволилъ себѣ заикнуться предъ нимъ и всѣми присутствующими, что, молъ, когда принципъ студенчества становится на жизненномъ пути рождномъ, на который приходится наткнуться, идя прямо на него, то не лучше ли обойти рождонъ стороною. На это Н. П-чъ очень откровенно объяснился, что онъ не дорожитъ своимъ мѣстомъ, что какъ изъ гостиницы Блохина онъ перешелъ въ губернаторскій домъ, такъ, случись что-либо, онъ преспокойно же перейдетъ и опять изъ губернаторскаго дома въ гостиницу Блохина, что онъ-де бѣденъ, возьметъ свою шапку подъ мышку и скажетъ преспокойно: *omnia mea perit*. Какія прекрасныя, великодушныя слова, когда приходилось только рисоваться. И какое некрасивое ничтожество дѣла впоследствии, когда пришлось перенести дѣйствительную невзгоду. Какое раздраженіе! Какая площадная ругань! Какая жажда найти враговъ себѣ вокругъ себя въ людяхъ, даже дружески къ нему расположенныхъ, минуя, однако же, только самого себя, единственнаго своего злого врага, или лучше друга-дурака, по баснѣ Крылова „Пустынникъ и медвѣдь“. Замѣчательно, что тутъ же у меня высокопочтенный и умный, и претонкій старецъ муфтій, воспользовавшись случаемъ свиданія съ губернаторомъ,—отношенія ихъ были уже холодны,—и свободою послѣобѣденной рѣчи, сталъ объяснять ему грабежи, производимые въ его—муфтія—имѣніяхъ на что Н. П-чъ жестко ему отпѣлъ: „Да я вамъ говорилъ и говорю: дайте мнѣ что нибудь, дайте мнѣ что нибудь“ (т. е. какіе нибудь документы, доказательства на безспорное право владѣнія). И тутъ же Н. П-чъ пренаивно рассказалъ при всѣхъ, какъ Саратовскій губернаторъ, товарищъ его по Московскому университету, князь В. П. Щербатовъ заподозрилъ его въ краснотѣ, на что Н. П-чъ ему сказалъ „Вы думаете, что я красненькій? Да, я красненькій, красненькій“. Вышло, такимъ

образомъ, что Уфимскій губернаторъ въ публичномъ собраніи самъ хвастался своею краснотою. Ба-а.....

Не имѣя никакой опоры въ нынѣшнемъ составѣ министерства вн. дѣлъ. совершенно неосновательно мня себя несокрушимымъ адамантомъ правды, Н. П-чь былъ, сверхъ чаянія своего, пораженъ въ своей гордынѣ молніею телеграммы о переводѣ своемъ въ Архангельскъ. Въ малодушномъ испугѣ онъ кинулся къ случайно пробѣжавшему чрезъ Уфу, мѣстному землевладѣльцу, тайному совѣтнику Лоде, искать у него опоры и ходатайства въ Петербургъ. Тотъ пріѣхалъ ко мнѣ, заручиться моимъ словомъ.—„Бѣдный этотъ Щепкинъ. Скажите,—онъ честный человѣкъ?“—„Да“ (т. е. ничего явно не стащилъ).—„Умный?“—„Да, допустимъ“.—„Трудолюбивый?“—„Безспорно. Сидѣлъ безъ устали надъ своими бумагами. Но судите же,—говорю я,—вѣдь, такой порядокъ невозможенъ. Вѣдь, если бы убили одного человѣка, и то жаль. А то, только и слышишь: тамъ убили, тамъ избили, тамъ подожгли“.—„Да, да, невозможенъ.“—„Виновать не онъ одинъ,—продолжаю я,—виновато правительство, виновата ревизія, виноватъ судъ надъ Скартиннымъ. Но вѣдь это разбой, кругомъ разбой?“—„Да, да,—сознается г. тайный совѣтникъ Лоде.—собственность не гарантирована. И Богъ знаетъ, что это они тамъ въ Петербургѣ изъ насъ сдѣлали. Сами раздавали эти несчастные участки. Напр., мнѣ предложили, я взялъ, убилъ на участокъ послѣднія свои средства. И вдругъ мы—воры! И никакой защиты. Да, да, такой порядокъ невозможенъ“.

Вообще въ послѣдніе дни сгруппировались въ моихъ ушахъ сообщенія съ разныхъ сторонъ и престраннаго характера.

Ново-назначенный директоръ Благовѣщенской учительской семинаріи (въ 35 верст. отъ Уфы) рассказывалъ, что открылъ у себя злую пропаганду, которая переваливала за Уралъ, разросталась между уральскими казаками въ за-уральскихъ училищахъ. Являлся къ губернатору,—Н. П-чь отнесся такъ апатически, что пока дано приказаніе арестовать виновниковъ, тѣ успѣли слишкомъ многое около себя спрятать и истребить.

Жандармскій полковникъ прегорько жаловался на Н. П-ча; мало того, что самъ держалъ его вдали отъ себя, полиціймейстерамъ внушалъ: „отъ жандарма подальше, подальше!“: другого имени не было, какъ—„этотъ жандармъ“; въ послѣдніе дни жестоко кричалъ на него, неистово грозилъ „вы де всё затрепещете“ и проч. и проч.

Вице-губернаторъ нѣсколько разъ говорилъ: „Чѣмъ больше вникаю, тѣмъ больше страшныхъ открытій. Представьте: начать съ того, что

скрылъ подъ сукно циркуляръ графа Толстого,—помните,—по еврейскимъ дѣламъ, что де этихъ да и нивакихъ другихъ мятежныхъ безпорядковъ онъ—министръ не допускаеть, возлагая ихъ на законную отвѣтственность губернаторовъ и полиціи. Представьте, этотъ циркуляръ не былъ даже сданъ Н. П-чемъ“ и проч. и проч.

За нѣсколько дней до увольненія Н. П-ча, посѣтилъ свой земельный участокъ и затѣмъ Уфу бывший уфимскій, нынѣшній ярославскій губернаторъ, В. Д. Левшинъ. Почти все свое время онъ провелъ у меня. Въ день прибытія, 21 Іюля онъ поѣхалъ къ губернатору съ визитомъ, и не былъ принятъ. На завтра, 22 Іюля, свидѣлись въ соборѣ, и Н. П-чъ отдалъ ему визитъ. Послѣ В. Д. Левшинъ говорилъ: „Ба, да мы старые знакомые. Да я во дни оны посланъ былъ въ Калужскую губернію производить разслѣдованіе о немъ: тогда онъ былъ тамъ мировымъ посредникомъ. О, краснѣйшій изъ красныхъ. И удивительная у человѣка способность дѣлать себѣ враговъ. А какъ мало такта, умѣнья пріобрѣтать себѣ друзей“. И проч. и проч.

Впрочемъ, я представляю дальше общую картину этихъ открытій и сообщеній, предваряя, что все это стало ясно для меня, а факты извѣстны, только въ послѣдніе дни.

Почти одновременно съ назначеніемъ Н. П-ча Щепкина Уфимскимъ губернаторомъ, въ средѣ мѣстнаго общества распространились слухи о его крайне радикальномъ направленіи и взглядахъ. Уже ходили слухи, да и самъ Н. П-чъ не скрывалъ, что еще во время службы его мировымъ посредникомъ въ Калужской губерніи, своимъ образомъ дѣйствиій онъ возбудилъ противъ себя всеобщія нареканія, имѣвшія отношеніе къ его политической благонадежности, что и вызвало тогда производившееся о немъ, по распоряженію правительства, разслѣдованіе, чрезъ чиновника министерства, В. Д. Левшина (бывшаго потомъ Уфимскимъ губернаторомъ), послѣ чего Н. П-чъ долженъ былъ оставить службу. Слышно было, что во время служенія его управляющимъ казенной палатой въ Саратовѣ произошла въ палатѣ растрата 12.000 руб., вскорѣ пополненная и оставшаяся невыясненною; что затѣмъ, въ бытность его въ Саратовѣ, внѣ службы, на представленіе о назначеніи его членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, послѣдовалъ отказъ со стороны министра внутр. дѣлъ, въ виду его политической неблагонадежности.

Въ положеніи губернатора Н. П. какъ бы стремился подтвердить такого рода слухи своими рѣчами и своимъ образомъ дѣйствиій. Такъ, онъ, не стѣняясь, рассказывалъ о высокомъ наслажденіи, какое ис-

пыталъ онъ при ближайшихъ отношеніяхъ къ государственнымъ преступникамъ, ввѣреннымъ въ 1881 г. его надзору въ Петербургѣ, по должности инспектора тюремнаго управленія. Съ восторгомъ говорилъ о ихъ исключительныхъ дарованіяхъ и выдающемся развитіи. Въ Уфѣ, отдалившись почти отъ всего мѣстнаго общества, и относясь съ видимою для всѣхъ холодностію къ его представителямъ—губернскому предводителю дворянства, городскому головѣ, муфтію и другимъ, онъ собралъ около себя особый близкій кружокъ, состоявшій большею частью изъ людей скомпрометированныхъ, или же подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи. Въ числѣ ближайшихъ знакомыхъ его дома были: управляющій отдѣленіемъ Камскаго банка Кол-овъ, содержавшійся прежде подъ стражею по политическимъ причинамъ; пріѣхавшій въ Уфу одновременно съ Н. П-мъ членъ губернскаго присутствія Игн-ій, открыто, какъ говорятъ, смѣющійся надъ религіей и богослуженіемъ, которое онъ называетъ „глупостью“. Вице-губернаторъ разсказывалъ, что разъ какъ-то Н. П. послалъ за нимъ вечеромъ, и ему сказано было, что „я-де съ женою на всенощной“.

—„Такъ, не повѣрите, по меньшей мѣрѣ недѣлю времени это въ ихъ кругѣ было предметомъ всяческаго глумленія.—„А, по всенощнымъ ходятъ!“ Они такъ стали противны моей женѣ, что мнѣ всегда большаго ухаживанья за женой стоило убѣдить ее побывать у нихъ.“

Этотъ Игн-ій въ моемъ личномъ присутствіи, при большомъ обществѣ, сдѣлалъ по моему непростительную выходку. Вскорѣ по прибытіи сенатора-ревизора Ковалевскаго—въ Уфу, муфтіи давалъ ему обѣдъ, на который былъ приглашенъ и я. Здѣсь въ присутствіи сенатора и всѣхъ, этотъ Игн-ій, одинъ изъ сенаторскихъ чиновниковъ, громко и рѣзко чрезъ столъ заспорилъ съ губернаторомъ П. П. Шрамченко. Чтобъ поразить его, губернаторъ говоритъ: „Помилуйте, мы по этому дѣлу имѣемъ два Высочайшихъ повелѣнія!“ На это Игн-ій выпалилъ дерзостью, смутившею всѣхъ: „А, что такое Высочайшее повелѣніе?—Листъ бумаги!“ Сказано было громко, совершенно несдержанно. Я взглянулъ въ глаза сенатора, съ которымъ сидѣлъ рядомъ. Тотъ только поморщился. Другомъ дома Н. П-ча былъ и врачъ Елпат-ій, высланный подъ надзоръ по прикосновенности къ политическому процессу. По разсказамъ жандармскаго полковника и директора Благовѣщенской учительской семинаріи, этотъ Елпат-ій, проживая въ Благовѣщенскомъ заводѣ, сильно и вредно вліялъ на семинаристовъ, будущихъ народныхъ учителей, и жандармскому полковнику большихъ хлопотъ стоило убѣдить Н. П-ча убрать этого умнаго, но вреднаго человека изъ Благовѣщенскаго завода. Но, согласившись убрать его оттуда, Н. П-чъ перевелъ его въ Уфу и даже приблизилъ къ своему

дому. Друзьями губернаторскаго дома были еще, — трудно повѣрить, если бѣ не увѣрялъ въ этомъ г. вице-губернаторъ, — сосланная въ Уфу по дѣлу о московскомъ взрывѣ, Долгорукая; выгнанный студентъ Блу-въ, сидѣвшій въ острогѣ по политическому дѣлу и опредѣленный Н. П.-чемъ на должность чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ; недоучившіеся молодые люди Со-овъ и Ар-овъ, имѣющіе репутацію подозрительныхъ личностей социалистическаго пошиба. опредѣленные Н. П.-мъ въ составъ губернаторской канцеляріи. Къ этому же кружку примыкали, какой-то Енор-ло, судившійся за политическое убійство (кажется, по дѣлу Нечаева), освобожденный будто бы по невмѣняемости, въ виду психическаго расстройтва и на другой же день по выходѣ изъ замка принятый интимно въ домѣ губернатора; какія-то страннаго нигилистическаго вида акушерки-фельдшерицы, появившіяся неизвѣстно откуда и проживавшія въ губернаторскомъ домѣ въ качествѣ подругъ дочери Н. П.-ча, пожилой курсистки, которая съ своей стороны, и интимностью отношеній къ высланнымъ подѣ надзоръ и вообще подозрительнымъ личностямъ, и своими разъѣздами по деревнямъ съ непонятною цѣлью, и открытымъ пренебреженіемъ какъ къ мѣстному обществу, такъ и къ общепринятымъ требованіямъ приличія, — также возбуждала общее изумленіе, а въ средѣ простого народа глумленіе, или даже негодованіе, выразившееся упорнымъ повтореніемъ, на видныхъ пунктахъ города и даже на стѣнахъ губернаторскаго дома, пасквильныхъ надписей. что продолжалось, несмотря на всѣ полицейскія мѣры, нѣсколько мѣсяцевъ, — также присылкою въ земское собраніе анонимныхъ писемъ, которыя обвиняли ее въ социалистическихъ стремленійхъ и т. п.

Разсказываютъ г. вице-губернаторъ, жандармскій полковникъ и другіе, что какъ только возникла мысль отпраздновать событіе священнаго коронованія торжественнымъ обѣдомъ въ залахъ дворянскаго дома, Н. П.-чъ отнесся къ этой мысли съ видимой неохотой и даже пытался отговаривать отъ подписки на обѣдъ. Когда праздникъ этотъ, тѣмъ же менѣе, состоялся, то во время обѣда, при многочисленномъ стеченіи, онъ обнаруживалъ непонятное и крайнее раздраженіе и вышелъ изъ зала, даже не дождавшись окончанія гимна, что всѣми было замѣчено. Одинъ разсказъ, слышанный мною изъ первыхъ усть, затрудняюсь даже повторить... То же раздраженіе высказывалъ онъ и вечеромъ, при осмотрѣ иллюминаціи присутственныхъ мѣстъ, выразившись при этомъ такъ: „Это только дымъ да копотъ разводитъ!“ (слышалъ изъ первыхъ усть).

На другой день, во время торжественнаго спектакля въ театрѣ, онъ, говорятъ, удалился, какъ только стали поднимать занавѣсъ, чтобы исполнить, назначенный программой, отрывокъ изъ „Жизни за Царя“. Вскорѣ послѣ того онъ позволилъ себѣ читать своимъ знакомымъ письмо своей дочери изъ Москвы, въ которомъ та выражалась, будто бы Государь смотритъ совсѣмъ старикомъ. Все это породило не мало толковъ: что бы все это значило?

Странно также, что, направляя всѣ свои усилія къ преслѣдованію лицъ, почему либо возбуждавшихъ его непріязнь, онъ употреблялъ всевозможныя мѣры къ собранію и распространенію оскорбительныхъ свѣдѣній о такихъ лицахъ посредствомъ даже газетныхъ корреспонденцій, которыя составлялись, какъ говорятъ, подъ его руководствомъ. Съ другой стороны, утверждаютъ, что въ отношеніи приговоровъ сельскихъ обществъ о высылкѣ порочныхъ людей Н. П-чъ открыто въ засѣданіяхъ высказывался, что представленіе обществамъ этого законнаго права есть дѣло возмутительнаго насилія надъ личностью, вслѣдствіе чего дальнѣйшее направленіе такихъ приговоровъ обставлялось всевозможными затрудненіями. Высказывался, что законъ давности въ сущности есть кража частной собственности. Мѣры, принимавшіяся помимо его къ огражденію общественнаго спокойствія, приводили его въ негодованіе. Такъ, Н. П-чъ съ бранью отзывался о надзорѣ, установленномъ жандармскимъ полковникомъ надъ группой крайне подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ, явившихся въ Белебеевскій уѣздъ подъ видомъ устройства земледѣльческаго хозяйства въ средѣ сельскаго населенія. Объ этомъ надзорѣ Н. П-чъ выразился: „Дураки-жандармы не даютъ молодымъ людямъ спокойно заняться мускульнымъ трудомъ“. Впрочемъ, жандармы выжили этихъ проходимцевъ изъ уѣзда и пресѣкли ихъ „мускульный трудъ“, подъ которымъ, весьма вѣроятно, скрывалась пропаганда.

Въ отношеніи поземельныхъ правъ землевладѣльцевъ Н. П-чъ, не давъ себѣ труда ни раза въ полтора года объѣхать и обозрѣть губернію и, прикрываясь тою, публично проповѣдуемою имъ, мыслью, что всѣ, купившіе землю у Башкиръ и получившіе участки отъ правительства—воры и разбойники, хищнически завладѣвшіе землею,— Н. П-чъ не только не оказывалъ живого содѣйствія къ защитѣ землевладѣльцевъ отъ возникавшихъ въ послѣднее время во множествѣ случаевъ грубаго нарушенія ихъ правъ, соединеннаго съ насиліемъ, поджогами и убійствами, но какъ бы злорадствовалъ въ этихъ случаяхъ, видя въ такихъ дикихъ проявленіяхъ самоуправства торжество стихійной силы народа надъ соціальною неправдой. По поводу случа-

евъ этого рода Н. П-чъ высказывалъ, что, если бы его братъ, или сестра были изувѣчены Башкирами на участкѣ, прибрѣтвенномъ отъ правительства, то онъ—губернаторъ не пошевельнулъ бы пальцемъ для ихъ защиты. Дѣло доходило до того, что когда Башкиры одного селенія (дер. Слаковой) въ 1882 г. письменно заявили губернатору, что они не допустятъ владѣть землею сосѣднихъ владѣльцевъ, получившихъ участки отъ правительства, то Н. П-чъ не сдѣлалъ по этому заявленію никакихъ распоряженій и передалъ его въ губернское присутствіе, гдѣ это заявленіе и осталось безъ послѣдствій. Рассказываютъ, что въ Іюнѣ генералъ Вороновъ телеграммой извѣщалъ Н. П-ча, что Башкиры, захвативъ самоуправно его поле, нанесли тяжкія увѣчья, съ переломомъ реберъ его управляющему и просилъ защиты; по телеграммѣ этой начальникъ губерніи призналъ возможнымъ только приказать собрать свѣдѣнія, сколько десятинъ земли купилъ г. Вороновъ и почему заплатилъ за десятину; въ этомъ смыслѣ и наложена губернаторомъ резолюція на телеграммѣ.

Получивъ въ Іюлѣ приказъ о перемѣщеніи на должность Архангельскаго губернатора, Н. П-чъ впалъ было сначала въ уныніе, а затѣмъ въ раздраженіе, при чемъ высказался начальникамъ отдѣльныхъ частей, что онъ подалъ въ отставку, такъ какъ съ такимъ министромъ, какъ графъ Толстой, служить не стоитъ, что съ нимъ служить можно только подлецамъ, что онъ не ручается за себя, при встрѣчѣ съ министромъ, и потому не желаетъ видѣться съ нимъ.

При отъѣздѣ Н. П-ча изъ Уфы на пароходѣ не было никого изъ мѣстнаго дворянства и общества, а было лишь нѣсколько служащихъ лицъ, да члены его интимнаго кружка, въ томъ числѣ упомянутая политическая ссыльная Долгорукая и какая-то женщина-врачъ.

Очевидцы увѣряютъ въ непостижимой странности, что, стоя уже на трапѣ парохода, Н. П-чъ указывалъ громко на свои дружескія отношенія къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода и сенатору Ковалевскому и публично грозилъ, что „ѣдетъ свободнымъ человѣкомъ въ Петербургъ, чтобы свободно паковать,—собственные его слова,—Уфѣ, и что Уфа еще затрепещетъ отъ его мщенія“...

Это непостижимо. Когда кто отдаетъ свою душу врагу и прикрывается лицемѣріемъ, то рано-ли, поздно-ли дьяволъ сядетъ чело-вѣку на шею и когда либо выворотитъ продавшуюся ему душу на изнанку, на позоръ всѣмъ. Губернаторъ Вл. Дм. Левшинъ выѣзжалъ изъ Уфы священнолѣпно: мы ему торжественно служили напутственное молебствіе, благословили иконою, сказали въ церкви благодарствен-

ную, прощальную рѣчь. П. П. Шрамченко служилъ Уфѣ мало, къ церкви не былъ горячъ и уѣзжалъ отъ насъ подѣ неблагопріятными условіями чиновника, забракованнаго высшимъ правительствомъ, такъ что выражать ему при прощаньи манифестативное сочувствіе значило бы отчасти протестовать противъ высшей власти. Тѣмъ не менѣе мы отпустили его съ миромъ, съ сожалѣніемъ и благожеланіями. Я давалъ ему прощальный обѣдъ, благословилъ его иконою и провожалъ изъ его дома въ послѣднюю минуту отъѣзда. О Николаѣ же Павловичѣ послѣ сдѣланнаго дворянствомъ заявленія, разнеслось, что онъ и меня причисляетъ къ своимъ врагамъ и честить именемъ „доносчика“. Я написалъ ему въ сдержанныхъ, но категорическихъ выраженіяхъ, что на него „не доносилъ“, что пробовалъ даже намекать ему на положеніе вещей и указывать нѣчто въ родѣ добрыхъ совѣтовъ, соблюдая высшую деликатность, не желая измѣнить никому, дѣйствуя умиротворительно. Когда стало возможнымъ говорить о переводѣ его въ Архангельскъ, я самъ поѣхалъ къ нимъ проститься. Я говорю имъ обоимъ: „что въ вашихъ дѣлахъ я только одинъ разъ принялъ то участіе, что, узнавъ стороною намѣреніе городского головы торжественно отказаться отъ службы въ концѣ истекшаго года, я преподалъ ему совѣтъ: не вносить раздраженія, соблюдать миролюбивую политику и умереть по службѣ, если ему суждено, мирною естественною смертію. Онъ принялъ благожелательный совѣтъ и вышелъ съ успѣхомъ“. Онъ на это промолчалъ, а она рѣзко выразила свое недовѣріе моимъ словамъ. А я подумалъ: „Какіе они—неблаговоспитанные люди. Мнѣ говорятъ въ лицо, что я лгу. А я-жъ—архіерей“. Конечно, я имъ не могъ сказать, что жандармскій полковникъ мѣсяца два тому назадъ, очевидно, по предписанію высшаго правительства секретно спрашивалъ меня объ отношеніи Н. П-ча къ дѣлу становаго Иванова, къ татарскимъ отпаденіямъ и еще объ одной мелочи, при чемъ я высказался по архіерейской совѣсти. Назавтра онъ самъ пожаловалъ ко мнѣ проститься. Говорили мирно. Въ минуту растанья я перекрестился передъ образами, благословилъ его иконою его ангела, святителя Николая, которую онъ и принялъ, повидимому, съ движеніемъ чувства. Уже поворачивая ко мнѣ спину, онъ произноситъ слѣдующія словъ: „Извините на какихъ либо выраженіяхъ; я—человѣкъ не общенабелый...“ Я не поѣхалъ провожать его по двумъ причинамъ. Первая и главная: на немъ отяготѣли упреки мѣстнаго населенія, тяжкіе упреки; я не имѣлъ основанія признать ихъ неосновательными. Я выражался: „Противъ него, какъ человѣка, я не имѣлъ бы ничего, но я противъ его системы“, и мнѣ въ послѣднюю минуту не хотѣлось выставиться предъ всѣми его партизаномъ. А затѣмъ мнѣ крайне претило это его небрежное

отношеніе къ церкви. Съ 22 Іюля онъ ни раза не былъ въ церкви. На всенощной, наканунѣ Преображенія, конечно, не былъ. И отъѣздъ свой изъ Уфы назначилъ въ день Преображенія, во время обѣдни. Пароходъ почему-то опоздалъ, и Щепкины отдѣлились отъ уфимскаго берега въ 4 часа пополудни. И отдѣлились съ циническими ругательствами и нелѣпыми угрозами. „Я ѣду въ Петербургъ свободнымъ гражданиномъ, чтобы свободно пакостить Уфѣ“,—это были его послѣднія слова. Достойно-ль это его сѣдыхъ волосъ? Его званія бывшаго губернатора уфимскаго и настоящаго губернатора архангельскаго?..

Передавая мнѣ эти послѣднія слова г. Щепкина, вице-губернаторъ выразился: „Желательно, чтобы это пакощенье осталось только пакостью этого господина, не болѣе“.

Прошу прощенія.

Примите, ваше высокопревосходительство, выраженіе моего глубокаго къ вамъ уваженія и признательнаго сочувствія...

Никаноръ, епископъ Уфимскій и Мензелинскій.

Петербургъ. 27 Сентября, 1883 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Душевно благодарю васъ за обстоятельное и любопытное письмо ваше въ отвѣтъ на мою просьбу; простите, что посреди многихъ вашихъ трудовъ былъ я причиною новаго и нѣмалаго труда. Письма ваши, здѣсь безъ меня полученныя, были мнѣ пересланы за границу и тамъ прочитаны мною съ живѣйшимъ интересомъ,—но п съ глубокимъ сокрушеніемъ.

Увы. Не въ первый разъ приходится ошибаться, особливо въ наше время, когда такъ обильно льются слова и выставляются вмѣсто дѣла. Я былъ, такъ сказать, однимъ изъ поручителей за Щепкина, при его назначеніи,—хотя возбуждались о немъ сомнѣнія... Щепкина я зналъ давно, еще молодымъ человѣкомъ, когда онъ начиналъ службу въ Москвѣ, въ сенатѣ. Съ тѣхъ поръ я потерялъ его изъ виду. На сей разъ склонилъ меня своими отзывами о немъ М. Евгр. Ковалевскій, склонилъ, удостовѣривъ, что Щепкинъ имѣетъ правильное понятіе объ инородческомъ вопросѣ въ Уфимской губ. и будетъ дѣйстви-

вать заодно съ вами. А какъ взгляды на это дѣло, кои выражалъ мнѣ Ковалевскій, не противорѣчили съ моими и какъ васъ, архіерея, Ковалевскій выставялъ правоправящимъ и разумно-мыслящимъ человекомъ, то я и рѣшился подкрѣплять мысль о назначеніи Щепкина въ Уфу, и такъ на умѣ у меня было послать вамъ въ лицѣ его подкрѣпленіе.

Затѣмъ, въ бытность его губернаторомъ, онъ писалъ мнѣ и просилъ противодействовать утвержденію въ должности мирового судьи нѣкоего Блутмера. А какъ я лично зналъ сего Блутмера за развратнаго человека и политически неблагонадежнаго, то и получилъ въ этомъ разсужденіи Щепкина какъ бы свидѣтельство о томъ, что онъ имѣетъ правильный вкусъ въ людяхъ. Затѣмъ еще разъ писалъ онъ, выставя въ самыхъ черныхъ краскахъ Волкова, по случаю избранія его въ городскія головы, но въ это дѣло я уже не могъ мѣшаться.

Вотъ всѣ мои отношенія къ Щепкину. Нынѣ изъ письма вашего вижу явственно, что онъ пустой человекъ, преисполненный фальшивыхъ представленій о себѣ и о людяхъ и совсѣмъ негодный для дѣлъ управленія. *Requiescat in pace!*

Что касается до общихъ вопросовъ, кои по сему поводу вами указываются и сами возникаютъ, — то это дѣло великое, — и въ настоящую минуту превышающее умъ человѣческой, ибо явное дѣло, что нынѣ Господь Богъ въ гнѣвъ Своемъ „ослѣпилъ очи русскихъ руководящихъ людей и окаменилъ сердца ихъ“. Разумъ бездѣйствуетъ, воля раскисла, воображеніе питается фантастическими видами. Услышимъ, что речетъ о насъ Господь...

Писалъ я вамъ лѣтомъ по дѣлу о церковно-приходскихъ школахъ и рекомендовалъ просить у насъ денегъ, покуда деньги есть. Отвѣта не имѣю, — а время идетъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ... К. Побѣдоносцевъ.

Посылаю вамъ только что изданную книжку „Дополненіе къ письмамъ о Богослуженіи“ и брошюру Пльминскаго.

Петербургъ. 1 Октября, 1883 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

На сихъ дняхъ получена бумага ваша съ вѣдомостью церковно-приходскимъ школамъ и съ просьбой отпустить на оныя 1000 руб. Желаніе это будетъ конечно, исполнено: но у меня въ умѣ было нѣчто иное, выходящее изъ предѣловъ истиннаго положенія и вѣрности. Мнѣ представлялось, что вы во время частыхъ вашихъ поѣздокъ по епархіи, имѣли, конечно, случай различить усердныхъ священнослужителей со рвеніемъ вступившихъ въ дѣло народнаго обученія и ослабѣвающихъ по недостатку средствъ, пособій и личнаго поощренія. Если бъ вы имѣли въ виду таковыхъ, то благоволите написать: мы и еще готовы служить вамъ въ текущемъ году на такое дѣло. На учебники и учебныя пособія тоже можетъ быть помощь. Теперь у насъ оканчивается печатаніемъ въ числѣ 4000 учебный часословъ для народныхъ школъ, исправленный Н. Ив. Ильминскимъ.

Кстаги о книжкахъ. Въ полученномъ сегодня № Уфимскихъ епарх. Вѣдомостей есть корреспонденція изъ Мелеуза, которая навела меня на опасенія. Вижу, что и г. Эннатскій, и священникъ, конечно, ничтоже сумняся, распространяють брошюры изъ „Общества распространенія религіозно-нравственныхъ книгъ.“ Знають ли они, что это „Общество“, къ сожалѣнію, утвержденное правительствомъ, все состоитъ изъ пашковцевъ, имѣетъ исключительной цѣлью распространеніе пашковскаго ученія и въ этомъ духѣ издаетъ брошюры, изъ коихъ многія пропущены, конечно ничего не разумѣющею Духовною цензурою. Они ведутъ пропаганду самаго вреднаго свойства. Книжная лавка г. Гроге, которая помянута въ корреспонденціи, служитъ органомъ той же пропаганды и складомъ подобныхъ изданій. О фанатизмъ ихъ можно судить по тому, что эта книжная лавка, напр. забирая синодальныя изданія Библіи, вырываетъ изъ нихъ листы съ текстомъ такъ называемымъ апокрифическимъ (коего нѣтъ въ англійскомъ текстѣ) и въ такомъ урѣзанномъ видѣ, подъ общимъ переплетомъ продаетъ книги. Желательно было бы объяснить г. Эннатскому, въ какомъ темномъ углу онъ ищетъ свѣта. Между тѣмъ, по распоряженію моему составленъ былъ и разосланъ при Сельскомъ Вѣстникѣ указатель книгъ, который можетъ служить надежнымъ руководствомъ при ихъ выпискѣ.

Въ томъ же № Уфимскихъ еп. вѣдом. нашель я ваше поученіе о крестѣ для раскольниковъ и единовѣрцевъ. Мнѣ кажется, было бы полезно отпечатать его отдѣльной брошюрой и распространить тамъ

въ особенности, гдѣ требуется. Надѣюсь, что вы не встрѣтите основательнаго къ сему препятствія; впрочемъ буду ожидать вашего отзыва.

Съ совершеннымъ почтеніемъ....

К. Побѣдоносцевъ.

1883, Октября 4. Уфа.

Ваше высокопревосходительство,

высокочтимый Константинъ Петровичъ.

Прошу прощенія. Теперь имѣется поводъ разъяснить предметъ, о которомъ хочу писать. Постараюсь быть краткимъ.

При посланіи отъ 26 Іюня прошлаго 1882 г. ваше высокопревосходительство изволили препроводить ко мнѣ записку уфимскаго землевладѣльца Николая Васильевича Эннатскаго, писанную еще въ 1881 г. на восьми съ половиною большихъ почтовыхъ листахъ самаго убористаго письма о разныхъ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ уфимскаго духовенства и епархіальнаго начальства, съ не особенно лестнымъ отзывомъ также о настоящемъ епископѣ уфимскомъ.

По архіерейской совѣсти говорю: душевно признателенъ вашему высокопревосходительству за довѣріе и благоснисходительность, но больно мнѣ было за это нападеніе и за это извращеніе истины, за это лицемѣріе чловѣка, который далеко ниже фарисеевъ, современниковъ Господа Іисуса Христа. Но чтобы запастись матеріалами, да и самому себѣ разъяснить нѣкоторыя вещи, я секретно вызвалъ къ себѣ священника села Прасна, гдѣ домъ Н. В. Эннатскаго.

Вотъ важнѣйшіе изъ отвѣтовъ этого священника.

1) О неправильномъ веденіи духовныхъ росписей Н. В. Эннатскій знаетъ по собственному опыту. Три родные брата, Петръ, Дмитрій и Николай Эннатскіе, кромѣ жены Дмитрія, не бывали въ церкви. Петръ былъ въ церкви раза два, со времени поступленія сюда, съ 1875 г. Николай не былъ ни раза, а тутъ въ селѣ Праскнѣ живетъ. Петръ живетъ въ деревнѣ Петровкѣ, въ 10 верстахъ, Дмитрій въ дер. Дѣдовкѣ, въ 5 верстахъ. Жена (называемая) Николая одинъ разъ была. Дѣти ихъ, уже кадеты, никогда въ церкви не бывають, зашли одинъ единственный разъ въ церковь только при моемъ посѣ-

щеніи въ 1882 г. Николай провожалъ меня съ версту, когда я шель пѣшкомъ съ горы, до самой церкви, но въ церковь не зашелъ. Исповѣдывалась только жена Димитрія. Петръ и Димитрій рассказывали, будто говѣли въ Москвѣ. Но Николай нигдѣ не говѣлъ.—„А вы записывали его бывшимъ у исповѣди?“—„Простите, ваше преосв-о, записывалъ“,—согласился смущенный священникъ.—„Вотъ, вамъ и награда“.

2) По словамъ г. Эннатскаго духовенство даетъ фиктивные отчеты объ училищахъ, подбираетъ къ архіерейскому пріѣзду пѣвцовъ изъ разныхъ училищъ. По двукратному моему личному усмотрѣнію и по точнымъ показаніямъ священника въ приходѣ Праск-ой церкви (на 944 ревизскія души, между ними инородцевъ менѣе половины, почти всѣ Чуваши немного и Мордвы, кромѣ села 10 деревень)—четыре школы.—1. Первая церковно-приходская при церкви, въ селѣ существовала и существуетъ, преподаватель священникъ и жена его занимались два года, псаломщикъ училъ пѣнію. 2. Въ деревнѣ Дѣдовой—церковно-приходская же; слабо существовала одинъ годъ, училъ священникъ, помогалъ одинъ ученикъ. 3. Инородческая, въ дер. Корной (въ 7 верст. отъ церкви) министерства народн. просвѣщенія, учитель изъ Чувашъ, отъ Н. И. Ильминскаго. 4. Вторая, инородческая же, въ дер. Новосел-ой, такая же, существовала болѣе 10 лѣтъ, учитель изъ Чувашъ, опредѣленъ инспекторомъ. Это довольно для одного прихода. Ученики всѣхъ этихъ училищъ въ оба мои посѣщенія сѣзжались въ церковь съ своими учителями. Тутъ при мнѣ пѣли и порознь каждое училище и всѣ вмѣстѣ, какъ Русскіе, такъ и инородцы. Такъ у насъ постоянно бываетъ и по праздникамъ.

3) Г. Эннатскій въ восторгѣ отъ муллъ и татарскаго населенія. Священники увѣряютъ, что Татары пьютъ же водку очень много. Я вижу и знаю, что особенно въ Стерлит-омъ уѣздѣ, гдѣ и село Праск-но, тамъ Татары—голые пролетаріи отъ лѣности, сравнительно съ Русскими, которые гораздо домовитѣе, хозяйственнѣе, нравственнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнѣе.

4) Рассказываетъ нелѣпости о пьянствѣ и дурачествахъ на баллотировкахъ благочинныхъ. При выборахъ благочиннаго Геллертова (въ высшей степени скромнаго), „даже поздравки никакой не было, баллотировали грецкими орѣхами, шаровъ не было“. У о. протоіерея Сперанскаго (скончался; благоговѣйнѣйшій пастырь былъ), у того для баллотировки священникамъ давали шары, а псаломщикамъ грецкіе орѣхи, для отличія голосовъ.

5) Комически пасквильно инсинуируетъ г. Эннатскій, что, выѣзжая отъ Прасковьянскаго священника, архіерей не разъ освѣдомлялся: „Готово-ли?“ между тѣмъ свита просила у священника денегъ: „Кормить то, братъ, покормилъ, а денегъ на дорожку все таки дай“. И какъ разданы были пакетики, архіерею доложено: „Готово“, при чемъ „священникъ обложился однимъ пакетомъ“ (не понимаю что это значить). Я читаю это священнику.—„Это что такое?“—„Это правда, отвѣчаетъ смущенно священникъ,—отецъ иподіаконъ Бѣляевъ (скончался, прекрасный, благовоспитанный человѣкъ) просилъ. Да, это была шутка,—свѣтло прибавляетъ священникъ,—Мы—товарищи по школѣ: Бѣляевъ старше однимъ курсомъ, а регентъ (священникъ Скворцовъ) одного со мною курса. Мы вмѣстѣ шутили и смѣялись“.—„Какъ же Эннатскій узналъ?“—„Да поваръ отъ него былъ: вѣроятно, слышалъ.“—„Архіерею то сколько же выдали.“—„Священникъ молча жметъся, зная, что у него и не просили, и онъ не давалъ.

6) По заявленію священника, Николай Эннатскій весь вѣкъ открыто прожилъ съ женой оренбургскаго чиновника, который самъ оставался въ Оренбургѣ, а она тутъ жила въ качествѣ экономки. Жена рождала дѣтей, которые записаны на мужа. Самъ Эннатскій нигдѣ не служилъ, постоянно привязывается къ писарямъ, смотрителямъ станцій, жалуется, доноситъ. Всѣ три брата Эннатскіе другъ у друга никогда не бывають, враждуютъ. Положеніе его священника, между ними тремя, крайне тяжкое. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упалъ мнѣ въ ноги: „Ради Христа умоляю, ваше преосв-во. переведите меня въ другой приходъ. Теперь они меня совсѣмъ съѣдятъ. Куда бы то ни было только чтобъ здѣсь не оставаться“. Я уважилъ его просьбу.

7) Въ первое мое посѣщеніе села Праск-на г. Эннатскій, живя здѣсь, не вышелъ. Но въ посѣщеніе 1882 г.,—въ видахъ наблюсти и донести,—какъ дѣлали во дни оны фарисей, саддукеи, иродіаны, вышелъ мнѣ на встрѣчу, когда мы пѣшкомъ спускались съ горы, благословенія не бралъ, развязно—небрежно совалъ мнѣ свою руку, его дѣти—кадеты также совали мнѣ свои рученки для рукопожатія; отецъ, при народѣ, долго шелъ со мною рядомъ, плечо о плечо, въ пиджакѣ, не снимая шапки и занимая меня упорно пошлыми разговорами, не обращая вниманія на то, что я шокировался его и обществомъ, и неблагопристойностью. Когда подошли къ церкви, въ церковь онъ не вошелъ, взявъ, однако же слово, что я сдѣлаю ему визитъ. Когда, на обратномъ пути поднялись мы пѣшкомъ на полу-гору, гдѣ его домъ, онъ удостоилъ выйти, при чемъ всѣ они опять совали мнѣ свои рукопожатія, но принялъ у себя неприлично, въ при-

хожей, прямо въ тѣсномъ, заставленномъ всякой всячиной кабинетѣ. Когда вошла его нареченная, но въ дѣйствительности хотя и не нареченная его жена и дѣти, также моя свита изъ четырехъ лицъ, благочинный, становой,—самъ хозяинъ сѣлъ за столъ, я какъ-то съ боку стола втиснулся, а прочимъ и сѣсть было не начто; нареченная жена стояла, опершись на столъ локтями.

И этотъ человѣкъ безъ религіи, язва и растлѣніе прихода, вспоминаетъ правила грамматики, которыхъ никогда не зналъ, а что зналъ, забылъ, своимъ безграмотнымъ мараньемъ поправляетъ недостатки архіерея и духовенства, учить уму-разуму оберъ-прокурора св. синода, какъ цѣлесообразнѣе направлять дѣла церкви, самъ не чувствуя нужды ни въ духовенствѣ, ни въ церкви, ни, повидимому, даже въ Богѣ.

Тогда мнѣ противно было отвѣчать на это лицемѣрно подлое маранье. Но вдругъ самъ Промыслъ подаетъ поводъ преодолѣть самого себя.

18 Сентября уже сего года получаю телеграмму: „Прошу разрѣшить похоронить тѣло умершаго брата Николая въ выходѣ церкви, гдѣ похоронены наши родители. Землевладѣлецъ Дмитрій Эннатскій“.

Зная, что самая церковь села Праск-на построена родителями этихъ Эннатскихъ, я разрѣшилъ. Но задался вопросомъ, ужели это тотъ Эннатскій, который писалъ противъ меня? Странно. Отчего и какъ онъ померъ. Я велѣлъ частнымъ образомъ спросить объ этомъ мѣстнаго священника, не того уже, что прежде былъ,—тотъ выбылъ въ другой приходъ.

И вотъ отвѣтъ мѣстнаго священника: „Николай В. Эннатскій умеръ 16 Сентября. Чувствовалъ боль въ груди. Отъ этой болѣзни, нужно полагать, и умеръ. Я былъ приглашенъ напутствовать, но, по приходѣ, въ живыхъ его уже не засталъ. Прибывшій 17 Сентября братъ пояснилъ, что на преданіе тѣла землѣ препятствій не имѣетъ. Присутствовавшіе при погребеніи родные братья, Петръ и Дмитрій относительно смерти брата своего Николая ничего не заявили“.—Не подозрительно-ль все это. Ясно, однако же, что умеръ человѣкъ, какъ и жилъ, безбожникомъ. Пригласили священника уже къ мертвому напутствовать его на тотъ свѣтъ, въ чемъ онъ никогда не почувствовалъ нужды при жизни.

Къ сему позволяю себѣ прибавить: 1) священникъ К., бывшій регентъ, возбуждившій противъ меня городъ Бирксъ, спился и въ этомъ

году повѣсилъ на древѣ: 2) воевавшій изъ-за него противъ меня бирскій староста Уткинъ, будучи уже старикомъ, сталъ безобразно кутить, промотался и померъ; 3) главный марателъ противъ меня прошеній, пасквилей, газетныхъ статей, бирскій купецъ Г. промотался совершенно и выбылъ изъ г. Бирска совсѣмъ; остался пока братъ его; 4) уличенный въ святотатствѣ священникъ В-ій, не захотѣвъ покориться кроткому и благожелательному суду епархіальной власти, дерзнувшій обогатить меня въ желаніи отъ него денегъ, поступилъ въ писаря къ становому, и народъ острить надъ нимъ: „Батюшка писарь, благослови. Не прикажешь ли позвонить къ обѣднѣ?“ 5) И Стах-въ Елабужскій, странный до смѣшного, уже, въ послѣдніи дни въ Россіи, давно находился въ состояніи невмѣняемости, 6) Всесв-ій, заподозрѣнный мною въ присылкѣ мнѣ пасквиля (я то, я—убійца его отца, протоіерея Всесв-го, умершаго отъ застарѣлаго порока сердца), хотя ему, автору пасквиля, мое подозрѣніе и неизвѣстно, пораженъ былъ умопомѣшательствомъ, нѣсколько поправился, но поправится-ль совсѣмъ, Богъ вѣсть.

По поводу бумагомаранья г. Эннатскаго я обратился было тогда же, по чувству дружбы и братства къ Н. П. Щепкину, желая заручиться и совѣтомъ его, и дружескимъ содѣйствіемъ. Но онъ къ моей, весьма щекотливой для меня откровенности отнесся такъ холодно и безчувственно, что мнѣ стало больно и только обидно на себя самого...

Позвольте сказать еще слово и о немъ. По рассказамъ очевидца, самымъ послѣднимъ словомъ Н. П. Щепкина, когда онъ стоялъ уже на трапѣ парохода, а пароходъ отвалилъ, было слѣдующее:... „Ба! Да, да сегодня никакъ Преображеніе. Съ нынѣшняго дня Уфа преобразуется и покрывается мракомъ“... При этомъ ораторскій жестъ: „Отнынѣ я надѣваю эту шапку нигилиста“...

Прошу великодушно извиненія.

Никаноръ епископъ Уфимскій и Мензелинскій.

